Свиданье с Богом у огня. Разговоры о жизни, любви и самом важном

Автор:
Татьяна Устинова

Свиданье с Богом у огня. Разговоры о жизни, любви и самом важном

Татьяна Витальевна Устинова

Татьяна Устинова. Первая среди лучших

Татьяна Устинова – известный писатель, телеведущая и интереснейший собеседник. Разговоры о жизни, любви и самом важном – сборник размышлений автора о тех самых простых и сложных вещах, составляющих нашу жизнь. Любовь, отношения в семье, дети, друзья, интересные незабываемые встречи – вот те темы-киты, которые интересны каждому из нас. А нетривиальный взгляд писателя делает самые простые и обыденные моменты
и события пронзительными и значимыми! Истории, рассказанные Татьяной Устиновой, словно мозаичное панно складываются в напитанную любовью, полную переживаний и сильных эмоций картину жизни!

Татьяна Устинова

Свиданье с Богом у огня. Разговоры о жизни, любви и самом важном. [сборник рассказов]

© Устинова Т. В., 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

Тяжелая ноша

…У меня творческая встреча, я трушу ужасно и приговариваю про себя всякие глупости вроде того, что «трус, мол, не играет в хоккей» и «волков бояться – в лес не ходить», но ничего не помогает, я только сильней боюсь и начинаю злиться на себя. При чем тут волки-то?! И хоккей тоже ни при чем, может, трус в него и не играет, но я-то тоже не играю! И – да, я трус! Я боюсь, что не смогу связно говорить, что не отвечу ни на один вопрос, забуду все, что хотела сказать, перепутаю Серафимовича с Катаевым: первый написал «Железный поток», второй – «Время, вперед!», а не наоборот, не сумею правильно процитировать Борхеса, хорошо определившего, что такое на самом деле детектив. И еще вот: я навернусь на каблуках, надетых «красоты ради», уроню очки и стану ползать по сцене и шарить – без них я ничего не вижу, совсем, никак, – а люди будут сидеть в зале и смотреть, как я ползаю!..

Это очень страшно.

Встреча начинается, и я говорю, не слыша себя, и мне хочется убежать и спрятаться, но я говорю, и постепенно начинаю себя слышать, и мне начинает казаться, что люди тоже слушают и сочувствуют, и, кажется, вот сейчас я удачно пошутила – смеются, а сейчас стало по-настоящему интересно, потому что все молчат, никто не шушукается, не кашляет, не разговаривает по телефону громовым шепотом.

У тебя такая работа, говорит моя мама, когда я жалуюсь, что мне страшно, и в этот раз я точно провалюсь, вот увидишь!.. Ты общаешься с людьми – это и есть твоя работа. Когда ты дописываешь роман, и его печатают, а потом развозят по книжным магазинам, ты начинаешь общаться, не напрямую, конечно, но все, что ты думаешь, чувствуешь и понимаешь или чего не понимаешь, становится им ясно из книги. Это большое счастье, что люди хотят общаться дальше и приходят на встречи с тобой, а ты трясешься и думаешь о какой-то недостойной ерунде.

Недостойная ерунда – это как раз про каблуки и очки. Ну, в том смысле, что какая разница, как именно я выгляжу! Самое главное – красота внутренняя, так

сказать, осмысленная, выработанная.

И еще честность.

Между прочим, так было всегда.

Обе бабушки считали, что думать о нарядах – глупость и пошлость, и, когда я старалась украситься, например, красным шарфиком, был у меня такой, косились неодобрительно. Брось ты этот шарфик, ей-богу! Главное, что внутри!.. Главное, сколько книг прочитано, сколько работы сделано, и как сделано – тоже важно. Главное, довольны ли в школе или институте, выполняешь ли ты свои обязанности. Очень немногочисленные, подчеркивали бабушки, совсем немногочисленные!.. В наше время, продолжали бабушки, девочка в твоем возрасте должна была… И пошло-поехало!.. И поехало, и пошло!

Одна бабушка «в моем возрасте», каким бы этот возраст ни был, помогала своей маме, то есть прабабушке, по хозяйству, сидела с братьями и сестрами, а их было много, носила своему папе, то есть прадедушке, обед на станцию, а это километров шесть, а он был машинист паровоза и никак не мог отлучиться с работы. И вот в любую погоду, в снег или в дождь, в жару или в грозу, бабушка собирала узелочки и шла на станцию, строго наказав сестрам и братьям ждать и не баловаться. Я отлично представляю себе – или мне кажется, что представляю, – трехоконный домик, узкие неровные стекла, а за ними плывущие встревоженные детские лица. Их заперли, оставили одних, велели сидеть тихо и дожидаться, и «чтоб ни-ни!», а придут не скоро, и они знают, что не скоро, и нужно как-то продержаться, а темнеет рано, электричества или керосина, конечно, нет и в помине, и очень страшно сидеть в темноте, и хочется есть и перестать бояться, и чтоб уж скорей взрослые пришли. Но нет, придут не скоро, и неизвестно, принесут ли поесть, нет ли…

Другая бабушка «в моем возрасте» прекрасно шила, и это ее шитье не раз выручало семью, спасало от голода в прямом смысле слова. Еще она стояла в очередях, многочасовых, многокилометровых – за керосином, за хлебом. А однажды, это она уже взрослая была, ей удалось добыть кусок стекла. Разбитое окно – серьезное бедствие!.. Мальчишки с улицы камнем или мячом попадут или ветку какую-нибудь ветром принесет ненароком, и нет стекла, а где его взять? Взять негде. В жилконторе все лимиты выбраны на двадцать лет вперед. Спекулянтам нужно отдать двадцать пять рублей – деньги в тридцатые годы не просто бешеные, а несуществующие как будто. Ну, наверное, как

в нашей системе координат миллион. Или два. Множество окон, рассказывала бабушка, много лет стояли без стекол, хорошо если удавалось забить фанеркой, но, как правило, затыкали чем-нибудь, тряпками, ветошью. Холодно зимой без окна. И вот бабушку и еще каких-то активистов послали что-то там такое разбирать на чердаках. И она нашла в углу кусок стекла, огромный. Умная бабушка не побежала его сдавать, а припрятала, и ночью они с прабабушкой пришли и вытащили стекло, как воровки.

И вы понимаете, да?.. Это ведь ерунда. Все по-настоящему трудное у моих бабушек было еще впереди.

Тридцать девятый год, например. Одного деда арестовали и посадили.
В обвинении было сказано, что дед собирался удрать за границу и для этого рыл подкоп из Клина, где он тогда работал на железнодорожной станции, в панскую Польшу. Побег удалось предотвратить, деда судили и почему-то на процесс пустили бабушку, уж не знаю почему. Приговор был вынесен 31 декабря – лагерь, не расстрел. Деда увели в наручниках.

Бабушка вышла из зала суда, очень собранная и сосредоточенная. Не знаю, что было у нее в тот момент в голове и в душе, но она пошла и купила новогоднюю елку. Она была твердо убеждена, что у ее детей, моих папы и тети, должен быть праздник Новый год, и точка.

Вторая моя бабушка вместе с дедом в этом же году убежали из Сталиногорска, где дед служил инженером. Начались аресты, и ему кто-то шепнул, что сегодня ночью за ним придут – предупредили. Бабушка с дедом в этот день вместе ушли с работы под ручку, как уходили всегда, но не домой, а на станцию, дождались электрички и уехали в Москву к прабабушке. В чем были, в том и уехали – летних одеждах, сандалиях, – бросив квартиру, добро, денежки, в общем, всю жизнь. Бабушке было двадцать два, а деду двадцать семь. Мамы моей у них еще не было тогда.

Да. А потом война!.. Близкие бомбежки, эвакуация, теплушки, крошечные дети, «рабочие карточки», «литерные карточки», «все для фронта, все для победы».

Оборотистой и ловкой бабушке – это уж ей было лет двадцать шесть! – удалось выменять на пальто целую наволочку сахара. Она кое-как притащила ее домой, плюхнула на стол, и вот это был праздник, скажу я вам!.. Вот это было событие!.. Вы понимаете? Можно было положить в стакан кипятку сколько угодно сахару, хоть пять ложек. Хоть семь. А в наволочке не убывало! А дед, который никогда-никогда ничего не умел добыть, добыл корыто!.. Какие-то ушлые артельщики привезли целую подводу, молниеносно распродали и исчезли. За корыта дрались, отнимали друг у друга, женщины голосили, мужики матерились, но деду как-то удалось ухватить и остаться целым. В корыте можно было стирать, а можно было мыться, что угодно можно было делать с этим корытом, это же почти что райская жизнь!..

Другая моя бабушка в этой же самой эвакуации, только в другом конце страны, в это время вытапливала сахар из свеклы – ставила в печку чугунок, свекла «подтаивала», и то, что из нее вытекало, можно было есть. Вкусно, сладко!..

Да. А впереди еще был сорок шестой год, самый голодный и страшный, а потом возвращение в Москву, оказалось, что некуда возвращаться, потому что довоенные квартиры заняты, и бороться бессмысленно, и жаловаться некому.

Впрочем, в том «моем возрасте» бабушки этого своего будущего еще, конечно, не знали. По их мнению, украшательство шарфиком или любым другим предметом туалета, как и мысли о кавалерах и дискотеках, было делом мелким, недостойным и пошлым. И страхи мои – я всегда боялась контрольной по химии, двойки по английскому, попасть впросак – тоже казались им идиотскими.

Да.

Впереди маячит новая творческая встреча, и я прикидываю, о чем буду говорить, пишу заранее план, и этот план никуда не годится – неинтересно, скучно.
И я переписываю план, и этот новый не годится тоже, и примерно дня за три я начинаю бояться и изводить близких подступающей истерикой. Хорошо вам говорить – это твоя работа! Вот попробуйте сами, сделайте эту мою работу, и вы увидите, как это все трудно и страшно.

И я уже почти готова рыдать и убиваться над своей тяжелой долей, но тут вдруг откуда ни возьмись появляются бабушки, которых давно нет, конечно. Бабушки

и их трудности и страхи, с которыми они прожили свою единственную жизнь – никто ведь пока точно не знает, есть ли еще один шанс!

Они прожили, как могли, и, между прочим, обе были уверены, что жизнь их сложилась просто отлично и была к ним милостива.

…Нельзя распускаться, вот что. А я то и дело позволяю себе… распускаться!.. Мне ничего этого не нужно делать – ни биться в очередях за керосин, ни воровать стекло, зная, что, если поймают, посадят. Не нужно собирать на станции уголь, а потом везти его на саночках домой, чтобы как-нибудь обогреться.

Мне не нужно бороться так, как боролись мои бабушки, и вот самое потрясающее! Боролись они не во времена Юлия Цезаря, а, считай, позавчера, но мы так распустились, что об этом позабыли и самодовольно утопаем в самодовольной жалости к себе и самодовольных сетованиях на судьбину!

…Если я на сцене навернусь на каблуках, значит, поднимусь, извинюсь за неловкость и продолжу. Общение с людьми – моя работа, и это превосходная работа!.. А если потеряю очки, значит, обойдусь как-нибудь без очков. Какая разница?!

Я улетала, а он оставался

Мы с мужем то и дело летаем в командировки. То меня несет встречаться с читателями в Бийск или в Лондон. То ему нужно в Екатеринбург или Стокгольм – разумеется, «по делу, срочно». Нам нравится, что мы такие деловые – еще бы! – но расставаться… трудно. На самом деле трудно. До сих пор.

Получается, что этот самый Бийск или Лондон не с кем разделить, а тогда зачем они нужны?! Некому шептать в ушко: «Смотри, смотри, как целуются, давай мы тоже!» Не перед кем ныть, что сил больше нет и пятку стерла. Некому показать розового лабрадора на переднем сиденье машины, пристегнутого ремнем безопасности и улыбающегося во всю пасть в предчувствии поездки. Не перед

кем горделиво поигрывать хвостом – видишь, сколько народу пришло на мою встречу, или смотри, какой я умный, докладываю, а они все слушают!..

Я улетала, он оставался и был грустен.

Ибо, как сказал великий Ибн-Хазма, «в разлуке три четверти горя берет себе остающийся, уходящий же уносит всего одну четверть».

Утром мы выпили кофе, без всякого энтузиазма, и он в пятьдесят первый раз спросил у меня, где паспорт, телефон и кошелек, а я в пятьдесят второй ответила, что все давно в сумке и отстань от меня.

Пока мы ехали в Домодедово, эти самые кошелек с паспортом были помянуты еще раз тридцать – ну, мы такие. Дело не в кошельке и не в паспорте, а в том, что это… забота, и она проявляется именно так. Невозможно и странно сказать друг другу пятьдесят раз подряд: я люблю тебя, я скучаю по тебе, хотя ты еще и не улетела даже, я беспокоюсь о тебе, хотя точно знаю, что все будет хорошо.

Поэтому пусть будет кошелек!..

Мы очень быстро приехали – нам близко! – прошли все рамки и кордоны, поднялись на второй этаж, еще раз все выяснили про кошелек и паспорт, будь они неладны!..

И вот тут все и кончилось. Линия контроля, за которую провожающих не пускают. Водораздел.

Мы остановились и посмотрели друг на друга.

Да, да, не навсегда и не на войну, но как неохота, господи!..

Я рассматривала его потерянную унылую физиономию, на которую он натянул невнятную улыбку, а он все порывался что-то сказать – как раз невозможное и странное, и вовсе не про паспорт.

– Ну я пойду?

И тут он взял меня за пуговицу.

– Ты знаешь, – начал он, глядя мимо меня. – Мне всегда так не хочется тебя провожать…

Конечно же, я решила, что должна ему помочь!.. А как же иначе?! Я должна избавить его от тяжкого мужского труда объяснения в любви – ведь им это на самом деле очень трудно! Я должна его спасти. Пусть он знает, что я все понимаю.

И, ежу ясно, я перехватила инициативу. Я ведь инициативная! И знаю его сто лет.

– Не скучай, не грусти, не забывай ужинать, – затараторила я, – будь осторожен за рулем, у Мишки в среду занятий нет, его можно не будить, я позвоню сразу, как прилечу, и сейчас позвоню, как только пройду контроль…

Я говорила и говорила, все бодрей и бодрей, он порывался меня перебить, но я не давала ему такой возможности. Я же ему помогала изо всех сил!..

– Эх, Устинова, – сказал он с насмешливой грустной нежностью, когда я выдохлась и замолчала. – У тебя, как всегда, весь пар в свисток! В общем, пока. Звони.

И ушел, не оглянувшись.

Не нужно все брать на себя, вот в чем штука! Не нужно говорить «за него», если вдруг раз в сто лет получилось так, что он сам хочет сказать очень важное. Не нужно спасать, когда этого не требуется. Нужно оставить им хоть что-то: труд заботы о нас, тяжесть объяснений, нелепость слов. Просто послушать их, притаившись. Даже если вокруг толпа и аэропорт. Может, именно в этой толпе он скажет что-то, никогда не слышанное раньше, и это «что-то» вдруг поразит в самое сердце!

Но где там!.. Мы, девочки, все понимаем лучше их и уж точно можем лучше сформулировать то, что они хотят сказать, потому что мы знаем о жизни все, а они такие неприспособленные!..

Зато мы приспособленные втройне! Вчетверне. Впятерне.

Только потом почему-то стенаем, что мужиков нынче не стало, все повывелись, инфантильные, слабые, не способные отвечать за нас и малюток.

Еще бы они не повывелись, если мы не даем им даже слова сказать – из лучших побуждений, конечно!

Давайте засунем эти самые побуждения на самое дно наших бездонных сумок. Пусть пока там полежат, между кошельком, паспортом и телефоном. А сами послушаем, что нам говорят. И помолчим, ну хоть раз в жизни!

И все станет по-другому.

Я поспорила с приятелем

Чуть не до драки! Приятель молод, хорош, умен и очень успешен. Он – мое недавнее приобретение. Я обзавелась им уже в этой новой жизни, в которой меня показывают по телевизору, и передают по радио, и почитывают на пляже, и быть со мной знакомым не то чтобы приятно и полезно, но… можно. Вполне можно. Не стыдно.

Мы видимся редко, на каких-нибудь совсем уж обязательных мероприятиях, где я бываю по долгу службы, а он забредает просто так, от скуки. В этот раз ему было как-то на редкость скучно, а моя обязательная часть закончилась очень быстро, и мы сели в угол с бокалами. Это называется «поболтать». To have a cozy chat!.. Он любит иностранные слова и выражения.

Ну, где вы собираетесь провести лето? В Тоскане? В Канне? Может, на Капри? А как насчет финала «Формулы?1»? Завтра на матч в Рим летите? Может,

вместе? Мой джет улетает завтра из Чкаловского в пять утра, там будут только свои. А в сентябре вся компания собирается в Ниццу! Правда, компания поредела немного, кризис, настроение плохое, те развелись, этот запил, а тот вообще, говорят, того… разорился. Было тридцать миллиардов активов, а стало всего шесть. А это вообще не деньги, шесть миллиардов, смешно!..

Я киваю. Я всегда киваю, когда не знаю, что сказать. Легче кивать, чем… вдаваться во всю эту чушь. Но тут его понесло что-то. Должно быть, я кивала слишком активно. Чертов кризис. Он все испортил. Он всех их, потерявших двадцать четыре миллиарда, страшно подкузьмил. И дело даже не в деньгах, что деньги, мусор! Кризис подкузьмил в смысле образа жизни – все стало не так. Бывало, полетишь в Лондон к своему стоматологу, а оттуда рукой подать до Лазурного Берега, где все свои – ну, ты знаешь, – и всегда есть чем заняться. Выйдешь на Променад дез Англе, а там опять все свои – ну, ты же знаешь! – и прямо по променаду на какую-нибудь хорошую вечеринку, шампанское Crystal, бриллианты Chopard, и поет сама Алла, или этот, как его?.. Дима, что ли? Ну, он еще какой-то конкурс песни и пляски выиграл, как же его? Ну, ты, наверное, знаешь.

А сейчас что? Сейчас серая скука. Все попрятались по своим замкам, кто на Рублевке, кто в Лангедок-Руссильоне, заводы бы продать, да не берет никто, «Мазератти» который месяц в гараже в Монако, девиц разогнали, вон сколько их, брошенных, несмотря на вложенные в тюнинг бабки, скучает по московским кабакам!

Ну, я, конечно, и сказала все, что думаю про тюнинг, «Мазератти» и променад, как говорится, в целом.

Он обиделся до слез. Я его оскорбила! Он никогда не думал, что я такая… такая!

Ну, какая, какая?!

Тут-то мы почти подрались, но пришел мой муж и за подол оттащил меня от него. Куда тебя понесло, спросил Женька, когда мы садились в машину. Что тебя разобрало-то так? Я долго думала, несколько дней. И правда, что это меня разобрало?! С чего бы?.. И постепенно стала догадываться.

Он, бедный, на самом деле думает, что так живут все! Что жить так можно и нужно, и единственное, что имеет смысл, так это Променад дез Англе, казино, яхта, сама Алла, которая поет только для него, и три ящика этого самого Crystal, будь он неладен!..

Кто-то убедил его, что весь мир существует для того, чтобы он жил именно так. И все эти убогие придурки, которые ходят на работу, растят детей, гуляют с собаками и мечтают об отпуске, нужны только для того, чтобы он мог на них делать деньги.

Кто-то убедил, а он искренне поверил!..

У таких, как он, нет здравого смысла, вот до чего я додумалась. Отсутствует как таковой. Нет, это я не о том, что он звездным небом не любуется и забыл, как пахнет сирень на рассвете!

Я о более приземленном. Они на самом деле думают, что метр жилплощади стоит пятнадцать тысяч евро. Они на самом деле думают, что джеты-яхты-мазератти есть у каждого нормального человека. У кого нет, те, стало быть, ненормальные. Они на самом деле уверены, что на курорты ездят исключительно в обществе длинноногих блондинок, а дети в это время с бонной, а жена в это время с бриллиантовым колье и фитнес-тренером. Они на самом деле верят своему консалтингу, который утверждает, что в этом году ожидается офигенный спрос на квартиры-студии в Белгравии.

Он не врет. Он и вправду так думает.

И тогда я ему позвонила и мы помирились.

Он не виноват в том, что убогий. Его так воспитали, сначала папа-комбайнер, а потом мир наживы и чистогана.

Мой муж объявил, что собирается… в поход

Куда ты… собираешься?! Как – куда? В поход. Ну, это когда рюкзаки, палатки, байдарки – в нашем случае велосипед, – пригоревшая бурая смесь, вроде бы гречневая каша с тушенкой, сто километров туда, сто обратно, а может, двести туда и двести обратно, тренировочные штаны, рюкзак, а в рюкзаке палатка. К седлу приторочен котелок, чтоб варить бурую смесь. Ты не знаешь, где ветровка, в которой я выиграл восемьсот метров на пятом курсе? Ты не видела мои велосипедные очки? А рюкзак? У нас же был нормальный туристический зеленый брезентовый рюкзак без всяких этих модных наворотов!..

Я понятия не имею, где ветровка. Должно быть, там же, где учебник по термодинамике Я. М. Серебрийского, по которому ты на том же пятом курсе сдавал спецкурсы. То есть нигде. Велосипедных очков у тебя никогда не было. «Нормальный» рюкзак, кажется, сгнил в гараже у папы в девяносто первом году. Тогда нечего было есть, и ты в этом самом рюкзаке возил с огорода картошку. Сушить рюкзак было недосуг – у нас тогда был младенец, помнишь, и этот младенец все время орал, помнишь? – а рюкзак, в свою очередь, все время был «в работе», вот и сгнил. Нет, я нашла, конечно, какой-то рюкзак, совершенно неподходящий, потому что как раз «с наворотами», быстренько съездила в магазин, купила ветровку, а потом «подсунула», как будто она век лежала в гардеробе на нижней полке. Он не заметил, конечно, что это «не та» ветровка. Очки… ну, с очками проблема, но, может, как-нибудь без них?.. И все три дня «до похода» я чувствовала себя заботливой, «правильной» и, главное, очень умной женой.

У него свои дела. Он мужчина и вполне имеет право на «личную жизнь». Кроме того, смена обстановки! Это особенно важно и прописано отдельным пунктом во всех психологических журналах и американских книгах, типа «Зрелые отношения: сохранить себя и не упустить его». В том смысле, что сохранить и не упустить очень просто – каждый занимается своим делом, и тем не менее что-то нас объединяет.

Каждый пошел своею дорогой, а поезд пошел своей.

Жаль только, ни один психолог не может внятно сформулировать, что именно объединяет-то – привычка, дети, счет в банке, автомобиль, медицинская страховка, место на паркинге?! Вот это, последнее, особенно красиво и особенно напоминает американские фильмы, не правда ли?..

В общем, все было очень красиво и очень по-американски до тех пор, пока он не ушел в свой поход.

А он взял и ушел. Утро наступило, солнышко светило, и я было расположилась варить ему кофе и жарить омлет, и тут вдруг он поцеловал меня совершенно ничего не значащим поцелуем, в духе психологических этюдов из журналов, бодро сказал «Ну, пока!», посетовав на то, что очки так и не были найдены, похлопал себя по карманам и… ушел.

А я осталась.

Кофе я выпила, а омлет задумчиво вывалила в миску, чтобы впоследствии отвезти маминой собаке. Кузьма очень уважает омлет, особенно вчерашний.

Потом я села и стала думать.

Все вранье, вот что я надумала. Нет, общая медицинская страховка и место на паркинге – вещь великая, системообразующая и цементирующая, особенно в Америке, кто ж спорит!.. И право личности на… что там?.. на самоопределение или на частную жизнь, что ли, это просто отлично! И я, как умная жена, должна считаться со всеми вышеприведенными пунктами, особенно на двадцать первом году брака!..

Должна, должна…

Но, черт возьми, он ушел, и все пропало! И я не могу по этому поводу ликовать, несмотря на все поучения умных книг и американских психологов!

Собака перестала есть, пить, радоваться жизни и была бледна все три дня, что его носило по Подмосковью. Дети решительно не знали, чем заняться, и все время просидели за компьютерами, каждый за своим.

Папа полез в колодец, потому что там – ясное дело! – заклинило насос, подвернул ногу, долго завывал оттуда нечеловеческим голосом, а потом мы все его тащили и еле вытащили. Мама замариновала три килограмма шашлыка, и его никто не стал есть. Меня поразила бессонница и отчасти депрессия на

почве того, что я пишу никудышные романы и вообще плохая мать.

Поэтому, когда он вернулся, хромая и потирая побитую велосипедным седлом задницу, мы все выли от счастья, скакали вокруг него, наперегонки ухаживали, наливали ванну, подносили то пиво, то ромашковый чай и стоически вынесли все его стенания по поводу того, что в свои сорок шесть он в «плохой форме». Проехал не триста километров, а всего двести восемьдесят, что ли! Поэтому, когда он опять соберется в поход, я не стану следовать рекомендациям психологов, ни наших, ни американских! Я буду ныть, требовать, капризничать, и мне будет совершенно наплевать на «право личности» и на «смену обстановки»!

Мне наплевать на то, что это… полезно. По мнению психологов.

Для меня – вредно. Я не могу без него жить.

И я хочу, чтобы он об этом знал.

Моя драгоценная макака

На каникулах мы полетели в Стамбул.

Полетели потому, что дети своими глазами должны увидеть бухту Золотой Рог, мосты над Босфором, тающие в солнечном мареве, как нити сахарной ваты, корабли, серый камень мечети Султан-Ахмед, Святую Софию, ворота Константинополя, розы под снегом – чтобы понимать хоть немного, откуда взялась цивилизация.

Женя должен был выступать на конференции и лететь в Стамбул не мог. Я долго ныла, что дети растут без отца, что каникулы нужно проводить с пользой и т. д. Мой муж слушал, морщился, вздыхал – я мешала ему писать доклад, – соглашался и кивал. Потом дописал и улетел в свою командировку.

В Стамбуле у нас вышла история. Перед отъездом сыну Мишке подарили фотоаппарат, шикарный, сложный, почти профессиональный. Мишка так его

хотел, облизывался, предвкушая, как будет снимать, закатывал глаза и скакал, как макака. От восторга и разгильдяйства инструкцию к нему он, разумеется, позабыл в Москве. А снимать просто так, нажимая на кнопочку, не получалось – фотоаппарат был слишком сложен, самовлюблен и горд тем, что столь сложен.

Мишка совсем упал духом. Он бодрился, но по его расстроенной мордахе все было видно. Вот Стамбул. Вот розы под снегом. Вот серые камни великих мечетей. Вот даже и фотоаппарат, будь он неладен!.. А снимать не получается.

С нами был сопровождающий – взрослый, упитанный, сурьезный дяденька, как раз умеющий фотографировать. И Мишка, совершенно изнемогший от сознания собственной ужасной ошибки, попросил его показать, как пользоваться этой прекрасной и сложной техникой. Сурьезный дяденька подошел к вопросу воспитания моего сына со всей ответственностью. Он бубнил, что нужно было изучить инструкцию. Да, но она в Москве! Нужно было заранее. Да, но фотоаппарат подарили за день до поездки! Нужно было подготовиться и взять ее с собой. Да, но он забыл, забыл!.. В следующий раз он постарается, а сейчас, пожалуйста, ну пожалуйста, покажите как!..

Не тут-то было. Дяденька решил не отступать и не сдаваться. Воспитание продолжалось до самого вечера. Воспитуемый каялся и осознавал, но так и не фотографировал. Непонятно, почему я терпела так долго. Я не мешала воспитательному процессу и искренне стыдилась, что мой сын такой болван. Только в отеле я вдруг очухалась, и возле ресепшена мы с Мишкой обнаружили каких-то голландцев с точно таким же аппаратом, которые за минуту показали нам, как снимать, чтоб получалось хоть что-то.

А подробную инструкцию мы подробно изучили в Москве.

Как вы думаете, почему нам кажется, что наши дети хуже всех остальных детей?! Почему мы готовы верить тому, что говорят о них вовсе чужие люди – подруга жены, друг мужа, бабушка подруги жены, дядя друга мужа или учительница химии?! Почему мы готовы со скорбным видом кивать, когда некто убеждает нас в том, что ребенок – разгильдяй, тунеядец, ни черта не смыслит в крекинг-процессе, завтра продаст родину и станет позором семьи?! Почему мнение этих людей для нас так важно, ведь мы-то знаем собственного ребенка гораздо лучше всех посторонних воспитателей, вместе взятых!..

Я знаю, что мой сын растрепа, что может забыть телефон у друга Димки, а кроссовки в спортзале. Я знаю, что по-английски он пишет грамотней, чем по-русски, а от его интернет-стрелялок у меня волосы на голове встают дыбом.

Я знаю, что, огорчив нас, он расстраивается куда больше, чем мы, потому что он благородный, умный, добрый и очень молодой мужчина, который просто еще не умеет быть всегда собранным, всегда ответственным, всегда положительным и осознающим последствия своих поступков!

Бог даст, он станет таким к своим сорока годам, но сейчас-то он еще может побыть… маленьким. Не всегда и во всем совершенным, но очень любимым и защищенным родителями со всех сторон!

Не верьте, когда вам говорят, что ваш ребенок плох. В крайнем случае влепите ему по заднице, скажите, чтоб в следующий раз был умнее, заварите чаю и садитесь рассматривать фотографии.

Вот Стамбул. Вот розы под снегом. А вот сияющая кривоватыми передними зубами физиономия вашей драгоценной макаки!

Так чего вам еще нужно?!

Свиданье с Богом у огня

Жить было довольно трудно и как-то ничего не хватало – ни денег, ни време, ни, ни нарядов, ни развлечений.

Дети маленькие, и, главное, по-разному маленькие. Одному нужен велосипед, кроссовки и игровая приставка, а второму – памперсы, набор погремушек и прогулочная коляска вместо люльки. На работу два часа в одну сторону, машина старая совсем и в пробке перегревается, из нее начинает валить пар,

и приходится вылезать и толкать ее к обочине, чтобы все остальные страдальцы вроде нас все же могли как-то ехать на работу.

И время от времени нам начинало казаться, что все наши друзья и приятели, уже сделавшие какие-никакие карьеры и гораздо раньше родившие детей, которые уже подросли и не слишком обременяли собой родителей, живут как-то проще, веселее, интереснее, свободней!..

На самом деле довольно трудно семь раз подряд объяснить семи приятельницам, что зимние каникулы я провела, катая по участку в Кратове коляску с младенцем, а не катаясь в Австрии на горных лыжах с инструктором.

Ну и так далее.

А очень хотелось, чтоб было… красиво и свободно, хотя бы иногда, хотя бы разочек, но чтобы было!..

Очень вредно не ездить на бал, особенно когда ты этого заслуживаешь!..

И вот однажды на бал нас пригласили.

Ребята, это было такое событие!.. Как раз кто-то из тех приятелей, что уже давно и прочно сделали карьеры, устраивал «летний праздник». Я понятия не имела, что это такое, и мне объяснили.

Это когда снимают какой-нибудь дом отдыха или клуб на Клязьме или Истре и там предаются разным приятным развлечениям: катанию на лодочках, играм на свежем воздухе, милой болтовне и поеданию шашлыка или чего там?..

И мне очень туда хотелось!.. Я так и представляла себе полосатые шезлонги, теплые доски пирса, на которых можно сидеть, свесив ноги в воду, запах шашлыка, красоту летнего вечера, умные разговоры, красивых людей, играющих за высокой сеткой в теннис или бадминтон. У меня воображение-то будь здоров, вот я и навоображала.

Сейчас я не вспомню, почему Женя, мой муж, не смог поехать. Или не захотел. Но не поехал.

Если тебе так уж невмоготу, сказал мой муж, давай я попрошу кого-нибудь, и тебя захватят. В речной клуб на Истре или Клязьме, где красиво предаются летним увеселениям, просто так, на электричке, не доедешь, а машину я никогда не водила.

В общем, он попросил, и меня «захватили».

Да, перед праздником я, как гимназистка перед балом с юнкерами, несколько дней придумывала, во что бы такое мне нарядиться. И выбор был невелик, и я понятия не имела, что следует надевать «на летний праздник за городом». Широкополую шляпу из итальянской соломки и льняной сарафанчик?.. Тонкие джинсы, белую рубаху и бейсболку козырьком назад?.. Платье в горошек и беленькие босоножки (см. кинофильм «Красотка», эпизод с игрой в поло)! У меня ничего этого не было, зато был безразмерный спортивный костюм и кроссовки, когда-то довольно белые и довольно кокетливые.

Н-да.

В общем, меня «захватили» на праздник, где я почти никого не знала, а меня-то уж не знал совсем никто, и я там полдня слонялась между полосатыми шезлонгами, шашлычницами, нарядными дамами в платьях в горошек и шляпах из итальянской соломки.

Все дамы как раз были между собой знакомы, рады друг друга видеть и мило щебетали про свою прекрасную и недоступную моему пониманию жизнь. Как покатались в Австрии и куда нынче планируют выехать «на солнышко». Что именно купили в Милане и как теперь придется лететь в Нью-Йорк за тем, что не докупили.

Со мной никто не разговаривал, и я ни с кем не разговаривала – не о чем.

Зато я посидела на теплых досках пирса – часа четыре сидела! – тоскливо думая, как там все без меня дома. Должно быть, уже сестра приехала, и самовар ставят, утром мама собралась пирог печь, красота.

Короче говоря, когда пришло время уезжать, выяснилось, что меня… забыли. Тот самый приятель, которого Женька попросил меня «захватить», давно уехал, просить каких-то других приятелей подвезти хотя бы до Москвы

я постеснялась – меня пугали их машины, жены, шляпы и разговоры про лето в Ницце.

Когда стало ясно, что на территории загородного клуба из гостей я осталась одна и еще сторож, запиравший ворота за последней машиной, мне сделалось не по себе.

Я всерьез не знала, что дальше-то! Идти на шоссе и ждать автобуса? Какого? И где он останавливается? И сколько его ждать?.. И вечереет уже… вовсю.

Официанты убирали пластмассовые стулья, сворачивали шатры, гремели какой-то посудой, таскали мешки в маленькие запыленные грузовички с откинутыми бортами, торопились, всем хотелось домой.

Сторож тоже не пришел в особенный восторг, обнаружив меня на вверенной ему территории. Он только собрался всех выпроводить, выпустить собак, хорошенько поужинать и завалиться спать, а тут я!..

В общем, не придумав ничего лучшего, я позвонила Женьке и сказала: спасай.

«Ну, конечно, – ответил он. – Выезжаю. Ты там как-нибудь потерпи, пересиди где-нибудь. Я скоро буду. Часа через два…»

Все же «загородный клуб», где я жила красивой жизнью, от нас совсем неблизко.

Я пристроилась на каких-то досках, сложенных возле лодочного сарая, и стала смотреть на воду. Вскоре официанты со своим хозяйством убрались с территории, и сторож выпустил большую лохматую собаку, издалека крикнув: «Она смирная!» Собака подбежала, понюхала мои кроссовки, попила из реки, потом несколько раз для порядка брехнула на буксир, тянувший по стремнине баржу, и унеслась по своим делам.

А я все сидела и начала подмерзать, и есть мне очень хотелось.

Потом пришел сторож, уселся рядом со мной и спросил, чего это я вместе со всеми не уехала. Я что-то ему соврала, не признаваться же, что меня забыли, но,

по-моему, он догадался.

Некоторое время мы просто сидели, я косилась на него, потому что побаивалась, мало ли что! И все придвигала к себе рюкзачок и ощупывала, все ли там, в рюкзачке, в порядке! А потом сторож включил приемничек, который принес с собой.

Из приемничка негромко запел Максим Леонидов, и я как-то сразу приободрилась.

Песни Максима Леонидова – это что-то очень близкое, почти родное, сразу объединившее нас со сторожем. Ну не может быть совсем пропащим, или никчемным, или опасным человек, который любит слушать Леонидова!..

«Ему говорят, что окончен бой, – пел нам со сторожем приемник, и мы слушали, и река слушала, и лохматая собака прибежала, улеглась и тоже стала слушать, – и пора вести учет несбывшимся снам. Ему говорят, что пора домой, дома, по слухам, уже весна!»

Так мы сидели и слушали, и песен было много, нам хватило до самого приезда Женьки, который прибыл и стал колотить в ворота!

– Хотите? – спросил сторож, когда я полезла в нашу «Ниву» и, щелкнув крышкой, вынул кассету из приемничка. – Я себе еще запишу!..

Она до сих пор с нами, эта кассета, только уже теперь, конечно, не кассета, а диск. Мы давно перегнали все песни на диск и дописали новые, а некоторые, особенно любимые песни, записали еще и в телефоны – вот как технологии продвинулись!

С тех пор прошло не так чтоб уж очень много времени – лет восемь, наверное.

Все изменилось, жизнь изменилась, но одно из моих самых лучших воспоминаний, как я сидела на досках возле лодочного сарая, ждала Женьку, который должен был меня спасти, и слушала Максима Леонидова.

Без них обоих – нет, нет, без них троих! – Максима, Женьки и безымянного сторожа, я бы тогда совсем пропала.

И тут не так давно у Леонидова случился день рождения. Вообще говоря, день рождения у всех людей на свете случается каждый год, но есть особенные, именуемые юбилеями, хотя я не знаю ни одного человека, который любил бы свои юбилеи. Тем не менее их почему-то принято отмечать широко и с размахом.

Накануне юбилея я ему позвонила, Леонидову. Жизнь изменилась так, что я теперь могу взять и позвонить ему.

– Макс, – завопила я в телефон. – Как я счастлива, что ты родился! Я учу речь, чтоб как следует тебя поздравить!

– Устинова, – сказал он устало. – Знаю я твои поздравления. Тебя ведь не остановить, если ты речи начнешь произносить. Ты лучше просто приходи на концерт! Слушай и получай удовольствие, поняла?! И шут с ними, с проникновенными речами, особенно с твоими!

На тот концерт я не попала. Папа заболел, я металась, и никак мне было не вырваться, и я не слышала его, и речей никаких не произносила.

…Талант – такая редкая штука. Редкая и удивительная. И необъяснимая.

Талантливые мальчики, которых хочется слушать, открыв рот, если они поют, читать запоем, если они пишут, кланяться им в ноги, если они делают сложные хирургические операции, – это подарок судьбы.

Это и есть «мое свиданье с Богом у огня», как придумал тот же Макс Леонидов.

Честно, я не знаю, что имел в виду Достоевский, который утверждал почему-то, что «красота спасет мир». Не понимаю. Мне кажется, что мир спасет талант. И гармония, которую он вносит в окружающий мир, делая его чуть лучше, спокойней и понятней.

Ничего плохого не может случиться, покуда есть река, а над рекой туман, теплые доски возле лодочного сарая, большая кудлатая собака, торчком

поставившая ухо, и диск с песнями Максима Леонидова!

Я знаю, он не любит речей, а над моими вообще всегда потешается, но тем не менее скажу такую речь: Макс, я люблю тебя.

Ну, просто, чтоб ты знал.

Поезд дальше не идет…

Мишка и Димон явились на днях из института и были непривычно задумчивы. Мишка – мой сын, а Димон его друг. Когда они являются домой, всегда случается небольшой переполох, мистерия-буфф. Все мечутся и орут. Кругом валяются куртки и башмаки сорок седьмого размера, как будто в дом явились не два парня, а рота солдат в химзащите. Собака начинает брехать от счастья и прыгать так, что стены сотрясаются от ужаса. У нас такая… не маленькая собака, а даже довольно большая. Парни начинают орать, что борщ они ни за что не будут, зато сейчас закажут две пиццы размера «макс». Домоправительница Ритуся очень громко и очень настойчиво говорит, что пиццы никакой не будет, а будет как раз борщ.

В общем, всегда все хорошо.

А в этот раз было не очень хорошо. Даже куртки и ботинки как-то уменьшились в размерах и почему-то не занимали полквартиры. И про пиццу речь не шла.

На лекции в институте моих мальчишек познакомили с исследованием американского демографа Николаса Эберштадта. Тридцать пять лет он пытается найти ответ на вопрос: «почему умирают русские». Тридцать пять лет работы, килотонны проштудированных статистических данных, семнадцать написанных книг – и полное недоумение. Вроде бы рождаемость в норме, и медицина вроде бы на уровне Восточной Европы, но…

Мальчишки думали целый день, даже на лекции по теории вероятности, и поняли то, чего никак не мог взять в толк демограф Николас Эберштадт.

Русские умирают от апокалипсического вида за окном и телесериалов. За окном – закрытые за нерентабельностью и полностью вымершие оборонные заводы, похожие на зону отчуждения взорвавшейся АЭС, облупившиеся стены одинаковых многоэтажек с одинаковыми подъездами, в которых выломаны рельсы для колясок и кнопки вызова лифта. Там воняет кошками, мусоропроводом и перегаром. Дома, в маленькой «двушке», сорок семь квадратных метров, – безусловно, жилье люкс, – вонь из подъезда смешивается с ароматом «альпийского луга» дешевого освежителя воздуха и запахом сырости от наружных стен. В телевизоре сериал. В компьютере «одноклассники» (одногруппники, сокамерники). На кухне табуретки из IKEA, сковорода с готовыми котлетами по четным и пельменями по нечетным дням и салатик из заветренных овощей, вывалянных в обезжиренном майонезе. К телевизору и сковороде прилагается жена, в бигуди и тренировочных штанах, помешанная на восточных танцах и диетах из журнала, и дочь, ждущая свидания с одноклассником (одногруппником, сокамерником). Машина, разумеется, купленная в кредит, и работа, разумеется, скучная до умопомрачения. По выходным посещение шопинг-центра, футбол, визит к теще и «накатить по маленькой» с братом супруги.

Неделю назад стукнуло сорок лет, и все дела уже давно поделаны! Никаких других не будет, а те, что были задуманы в двадцать, поделать не удастся уже никогда.

Ну, собственно, вот и все. Поезд дальше не идет. Станция Березай, хошь не хошь, вылезай.

Все это они мне изложили и уставились на меня встревоженными детскими глазами – я должна была немедленно их утешить. Сказать, что в их-то жизни все точно будет по-другому. Что у них получится. Что все не так плохо.

Я утешила. Сказала. Убедила. Налила чаю и достала шоколадку. Пока еще, несмотря на то что им по девятнадцать лет, их все же можно утешить шоколадкой.

А меня – нет.

Когда государству нет дела, когда отсутствие идеологии превращается в идеологию, когда разрушены основы, а создавать какие-то другие основы никто не умеет, когда национальная идея – выкачивание нефти, а национальный герой – оборотистый сантехник, стыривший во времена безвременья состав с соляркой и, таким образом, вышедший нынче в олигархи, когда литература постоянно объясняет тебе, что ты подонок, лох, быдло и ничтожество, когда в телевизоре маньяки, «зона» и разбитые фонари, а за окном пустеющие заводы и полоса отчуждения, когда тебе сорок лет и у тебя уже все «налажено», вот тогда ты и умираешь.

Внезапно. От остановки сердца. От скуки. От безысходности.

Только мальчишкам лучше пока этого не знать.

Мой муж не похож на Тома Круза, но…

Я была на пресс-конференции и отвечала на, честно сказать, туповатый журналистский вопрос: «Кто прототипы героев ваших романов? Где вы берете мудрых, в общем, настоящих мужчин?» Не успела я дать философский ответ: «В жизни!» – как мне позвонила мама моего старого приятеля.

С приятелем мы… приятельствуем не так чтоб очень тесно, не так чтоб очень душевно, но, в общем, довольно давно.

Его мама звонила мне в последний раз примерно лет пять назад, и с тех пор я ничего о ней не слышала.

После пресс-конференции я ей перезвонила.

«Он решил уйти с работы, – сказала мне его мама отчаянным голосом. – За последние три года он уже во второй раз меняет работу, никак не может найти себя, бедный мальчик. Ты имеешь на него влияние, – продолжала мама голосом придушенным. – Если он опять потеряет работу, мы останемся совсем без средств, а нам с отцом нужны дорогие лекарства и ежегодные обследования. Ты сама знаешь, какая нынче пенсия».

Ну да, я знаю. Мои родители, кажется, тоже ее получают, эту самую пенсию, и это никакая не пенсия, а плевок в лицо тем, кто всю жизнь много и тяжело работал.

В общем, я ему позвонила. Родители перепуганы и в отчаянии, сказала я, им нужны лекарства и некая стабильность, они это давно заслужили, а мы с тобой молодые и сильные лоси, мы-то в любом случае заработаем, и не важно, нашли мы себя или еще только в процессе поиска.

Он выслушал меня совершенно равнодушно, а потом объяснил, что в этой жизни каждый за себя. Ну, в том смысле, что никто никому ничего не должен. Никаких лекарств и обследований! Что такое, ей-богу!.. Бывшая жена пристает, родители пристают! И всем денег подавай! А он не печатный станок. Он ищет себя.

Он говорил долго, постепенно распаляясь, я слушала, настроение стремительно портилось, и я ругала себя, что ввязалась не в свое дело, но…

Я-то знаю, как живется, когда денег нет вообще. Когда в магазине нужно долго и мучительно выбирать, что купить – пакет сушек или полкило колбасы. Когда не на что починить туфли. Когда нужно выкраивать на лекарства.

Я едва дождалась с работы Женю.

Он мыл руки, а я стояла над ним и спрашивала, что нам делать. Чужие родители совсем пропадут, покуда их сын ищет себя.

Как что делать, удивился мой муж, конечно, помогать!.. Да, но придется помогать постоянно, пожалуй, всю оставшуюся жизнь. Ибо сын, даже если и найдет себя, наверняка примется искать еще что-нибудь возвышенное. Великую любовь, к примеру. Или святой Грааль.

Мой муж пожал плечами. «Ну мы же справимся, – сказал он, вытирая руки. – На лекарства для двух дополнительных стариков у нас хватит, а покупать им «Роллс-Ройс» вряд ли придется».

Я точно знаю, что отличает мужчину от существа неопределенного пола, но в брюках.

Великодушие, вот что.

Мой муж трудоголик, зануда и доктор наук. Его невозможно оторвать от телевизора во время Кубка УЕФА, его невозможно затащить на светский раут. Он разбрасывает вещи, теряет ключи от машины, засыпает на модной премьере, и во время покупки пиджаков мы непременно разводимся. Да, еще он решительно не похож на Тома Круза, смеется над словом «биеннале» и забывает в машине свои очки, а потом сверху садится сам.

Кстати, тот, который ищет себя, всегда выглядит прекрасно, истово чистит ботинки, читает художественную прозу, красиво курит и вообще орел-мужчина.

И все это не имеет никакого значения.

А великодушие имеет.

Мы слишком многого хотим, понимаете? За досадными мелочами мы видим мужиков и вбили себе в голову, что их на самом деле не существует, перевелись! Да нет же! Вот они, рядом с нами, но «глянцевые стандарты» и кондовые советские стереотипы, слившиеся в нашем сознании в единое целое, заставляют нас вздыхать и искренне мучиться из-за того, что любимый, черт побери, совершенно не похож на Тома Круза! И пиджак сидит на нем как-то не так, и домашнее задание у ребенка он опять не проверил, и зарабатывает меньше!

Мой муж зарабатывает не слишком много, но двух чужих стариков готов содержать, потому что он… мужчина. Потому что он так понимает жизнь.

И мне наплевать, что на Восьмое марта он, по всей видимости, опять не подарит мне ни одного бриллианта величиной с куриное яйцо. Зато я точно знаю, как отвечать на вопрос: «Где вы берете мудрых, в общем, настоящих мужчин?»

Дверь в лето

Не люблю сентябрь! Пусть кто как хочет, а я – ну не люблю!

Особенно потому, что новый год.

Ну, в смысле учебный, учебный!..

Все летние радости позади: дача, гамак, пинг-понг, длинные теплые дни, короткие теплые ночи, ожидание моря – мама, мама, а на море когда? Мама, мама, а мы надолго на море? А мы на досках будем кататься по морю? А мы будем в песке валяться у моря?..

Будем, сынок. Будем, не волнуйся. Вот мы, а вот и наши билеты на море! Все будет.

Но в сентябре вдруг получается, что все не «будет», а «было».

Дети не пристают с морем – оно ведь уже было! Гамак, натянутый между соснами, мочит дождик, надо бы снять, но дырка вместо гамака – окончательный приговор лету, а мы не хотим пока, мы еще «не готовы»!

И дети «не готовы»!

Никого не добудишься утром, ни студента – это старший сын, Мишка, ни школьников – младшего Тимофея и племянницу Сашку. Не встают, и все тут.

Лето не отпускает.

Давеча позвонила подруга и тревожным голосом осведомилась:

– Вы к школе готовы?..

В каком смысле?.. Учебники куплены, рюкзаки с ужасными мордами и черепами на фасаде – очень модная вещь! – припасены. Дневники, методические пособия, хрестоматии, тетрадки для домашних заданий – все есть.

А к школе мы, пожалуй, не готовы.

Мы все еще, как кот у какого-то, сейчас не вспомнить, американского писателя, ищем «дверь в лето». Все вместе, не только дети.

Мы хотим, чтобы впереди было море, гамак между соснами, и дни длинные-длинные, и радость жизни полная-полная, и пирог с малиной горячий-горячий, и огурцы, купленные у бабки, только что с грядки, а не выращенные на «гидропонике». Когда-то наша биологичка пыталась втолковать нам, что такое эта самая «гидропоника», но я так и не поняла. Поняла только, что с грядки лучше.

– А ты на встречу с классной ходила? – тревожно, как шмель в летних зарослях крапивы, гудела в трубке подруга. – А деньги на охрану у вас уже собрали?
И почем охрана? У нас полторы, и говорят, что еще потом дособерут.
А англичанка все та же или вам поменяли?

Ох, не ходила я на встречу, и про деньги на охрану мы каждое утро забываем, хотя уже сто раз в школе напоминали, что нужно положить их ребенку в рюкзак или в карман, чтобы он «сдал».

И мы не положили, и он не сдал.

Мы ищем «дверь в лето».

И без толку, без толку!.. Нет ее, этой двери. Сентябрь за окнами, темнеет рано, птиц не слышно боле, и далеко еще до первых зимних бурь… Впрочем, это все мы будем зубрить во время надвинувшегося на нас учебного года.

А двери нет.

Как всегда, ее отыскала моя мама, самая неправильная из нас. Мало того, что она «неправильная», она еще… оптимистка.

– Танюш, – сказала мама в телефонную трубку, и голос у нее, не в пример подруге, был очень веселый, – поедем отдохнем немного от сентября, а?

– Как отдохнем?! – тяжко поразилась я. – Учебный год только начался, нужно втягиваться в работу. И на встречу с классной я так и не сходила, и деньги за охрану…

– Да ладно! – перебила моя неправильная мама. – Успеем мы втянуться. Поехали, а?..

Если бы вы знали, как были счастливы дети, что мы едем «отдыхать от сентября»! Как орали, скакали, как моментально собрались, как скулили, чтоб скорей, скорей, как влезли в машину и уселись там со встревоженными лицами – вдруг мы передумаем?..

Но мы не передумали. И бездельничали целую неделю, нисколько себя не ругая.

Ребята, в этой грянувшей осени нет никакой фатальной окончательности, вот что!.. И приговора нет. Лето прошло, но мы-то остались, и далеко еще до первых зимних бурь, и льется чистая и теплая лазурь… Вот, ей-богу, льется!..

О странностях любви

Однажды мы всерьез поругались.

Не знаю, что на него нашло.

Он наговорил гадких слов и, уже договаривая, понял, что делает что-то непоправимое, и голос у него стал испуганный, и мне показалось, что договаривал он через силу, изо всех сил желая остановиться, но все же договорил – по своей мужской привычке доводить дело до конца.

Мы не помирились сразу, а это катастрофа.

Я не умею жить, отравленная ссорой, не могу дышать ее воздухом и на самом деле не знаю, как это получается у женщин, умеющих виртуозно и продолжительно ссориться!..

Он положил трубку, а я стала ходить из комнаты в комнату.

В одной комнате у нас светлые полы, а в другой – темные. Я ходила и смотрела под ноги, сначала на светлое, а потом на темное. Мне было очень жалко себя, несправедливо обиженную. И свою жизнь, которая, считай, пропала. И вдруг я стала думать, что было бы со мной, если бы его вообще не было. Не в том смысле, чтоб он… умер, а в том смысле, если бы мы с ним не встретились. Ну просто не встретилась, и все. Мне сорок лет, и я точно знаю, что не встретиться нельзя. Это в восемнадцать кажется, что можно промахнуться, упустить, пройти по соседним улицам, открыть не ту дверь.

Нельзя. Этот самый шанс предоставляется всем и всегда. Другое дело, что он единственный, и в этом суть дела. Мы все – взрослые, а не восемнадцатилетние – точно знаем, кто именно был «шанс». Правда? И точно знаем, почему мы его упустили, если упустили. И благодарим небеса, если все случилось.

Ну, вот я ходила и представляла, что его в моей жизни нет. Я не знаю, как он говорит, как думает, как хохочет. Я понятия не имею, как он дышит или молчит. Я не знаю, как пахнет его одеколон и как он водит машину.

И некому смотреть в глаза, и сопеть в ушко, и не на кого обижаться, и некому звонить – его же нет!.. Некому варить кофе, и жарить омлет, и ныть, чтоб быстрей приехал, и ругать, что приехал поздно, тоже некого. Его нет, а проделывать все это с кем-то другим невозможно, потому что – зачем?.. И еще я понятия не имею, что он думает о жизни, вселенной и вообще, а мне же нужно знать, что думает обо всем этом именно он! Я не рассматриваю придирчиво его джинсы и рубашки, чтобы в очередной раз убедиться в том, что он самый красивый из всех известных мне мужиков. Ну, пусть не самый и не красивый, но все же лучше остальных, по крайней мере для меня, а я об этом даже не знаю, потому что… его нет и никогда не было.

Пожалуй, и меня нет. То есть не было бы. Наверное, была бы какая-то другая тетенька, обремененная какими-то другими заботами, и бог знает, какие романы она бы писала, может, совсем никудышные, потому ей не о чем было бы писать – его-то она никогда не знала!.. Не было бы их, не было бы и нас, все так просто!.. Просто и справедливо. Чего мы хотим от них?! Что мы хотим получить… на выходе, как говорил наш профессор химии? Чтоб они стали ангелами уже при жизни? Чтоб никогда не совершали ошибок? Чтобы никогда не говорили обидных и несправедливых слов, не засыпали, когда на экране целуются, не опаздывали с работы, не летали в командировки, не пили пиво, не уставали от нашего милого щебетания, не выходили из себя в примерочной, покуда мы, такие прекрасные, меряем очередную водолазку?!

Так не бывает.

Тут я перестала жалеть себя и свою пропадающую жизнь. Ничего не пропало, вдруг подумала я и наступила на светлый квадратик пола. Ничего же не пропало, ей-богу!.. Ну наговорил он ерунды, ну и мучается теперь, наверное, еще больше меня. Он всегда мучается, когда бывает несправедлив, – я-то знаю его как никто!.. Знаю, знаю и не пойду я на темный квадрат, потому что ничего не случилось. И, боясь передумать, я быстро написала ему записку – терпеть не могу слова «эсэмэска»! Он ответил через три секунды. Должно быть, сидел, уставившись на телефон, и мучительно придумывал, что бы такое ему сделать, чтобы все вернулось, но не придумал – куда ему придумать, ведь он просто мужчина!

И он есть.

Лучший комплимент от мужчины

Очень все это непросто! Ну, вот это все – приходит время, с юга птицы прилетают, снеговые горы тают, и не до сна!.. Не потому что я вся такая романтическая, а потому что весна – это всегда тревога, как будто ожидание чего-то. Всем нам объяснил дядюшка-кузнец из фильма про графа Калиостро, что ипохондрия, во?первых, завсегда на закате делается, а во?вторых, происходит она от того, что человек смотрит на солнце и думает, вот взойдет оно, к примеру, завтра или не взойдет?

Ну вот и я, и я!..

Весна пришла, а в моей жизни так ничего и не происходит! То есть большой, но чистой новой любви нету, а есть только все тот же старый, относительно молодой муж, старые подросшие дети, старая молодая собака и старая работа. Где мои темные очки, я немедленно нацеплю их на нос и отправлюсь гулять на бульвар, вся такая воздушная и к поцелуям зовущая – не потому что мне хочется на бульвар, а потому что весной положено романтически гулять по бульварам. Еще весной положено худеть «к лету», чтобы влезть в тот самый сарафанчик со сто сороковой страницы модного журнала – на предыдущих ста тридцати девяти тоже в основном сарафанчики, но в душу запал почему-то именно этот. Стереотипы, стереотипы замучили!..

И я решила, что немедленно нужно что-то менять. Ну, не в смысле старого мужа на нового и старых детей на других, а что-то такое сделать с собой, чтобы пришло «правильное» ощущение весны.

Меня всегда заботит «правильность» моих ощущений и соответствуют ли они все тем же стереотипам, будь они неладны!..

В соответствии с ними весной – да и вообще всегда! – чтобы придать себе ощущение «правильной» женственности, следует носить каблуки и платья.

И пришла я как раз в «правильный» магазин и уставилась на платьица из «весенней коллекции» – их было не слишком много и особой красотой, на мой взгляд, они не страдали.

Ну, вот я рассматривала платьица, не понимая, как применить их к себе и своей новой весенней красоте, когда ко мне подошла продавщица.

Я посмотрела на нее, а она посмотрела на меня.

– На вас ничего нет, – сказала она скучным голосом, не найдя во мне ничего хорошего.

Я немного упала духом.

– Как, совсем ничего?

Продавщица пожала плечами без всякого энтузиазма.

– Ну вы же сами видите размеры, – пояснила она, стараясь быть деликатной, – вам нужны большие, а у нас тут… – она поискала слово, – молодежный магазин.

Ну да. В молодежном магазине мне делать нечего. Здесь нет моих размеров. Мне нужно в магазин для пожилых. Возможно, там размеры найдутся. Некоторое время, старательно делая бодрое и независимое лицо, я еще потаскалась вдоль вешалок с платьицами, вожделея их все больше и больше как раз потому, что нельзя. Они мне не подходят. У всех людей весна и платья, а мне нужно в магазин для пожилых, видимо, за телогрейкой! И некоторое количество «правильной» женственности мне, по всей видимости, так и не удастся добыть для себя этой весной!

Но ведь мне так хотелось именно весны!..

Я вышла на улицу, нацепила на нос темные очки и, глубоко и вдумчиво жалея себя, потащилась мимо витрин с платьицами, сарафанчиками и купальниками.

На вас ничего нет!

И я решила купить джинсы. Шут с ней, с «правильной женственностью», но ведь, когда приходит время и с юга птицы прилетают, все-таки обязательно нужно купить что-нибудь ненужное!.. Ну хоть что-нибудь!..

Тут мне повезло. Не джинсы, а мечта – странного цвета, с дырками на всех возможных и невозможных местах, выглядят так, как будто были найдены на помойке, а стоят бешеных денег. Как раз в моем духе. К джинсам я еще присовокупила маечку, тоже странноватенькую, черную, с какими-то буквами.

Ну, никакой весны и женственности, но хоть так!..

Приехав домой, я первым делом нацепила и джинсы и маечку и стала придирчиво изучать себя в зеркале, когда вдруг со второго этажа спустился мой сын Мишка. И увидел меня.

– О! – сказал он и показал большой палец. – Мама, ты самая красивая женщина на свете!

Ей-богу, это лучший комплимент от мужчины, который я получила этой весной.

Казнить нельзя помиловать

Друг позвонил мне среди ночи и чуть не плакал – ей-богу!.. Они опять поссорились. Они поссорились и теперь опять разводятся. Они разводятся, и теперь уже точно навсегда.

Надо сказать, что они все время ссорятся, поэтому я не очень пугаюсь, кроме того, я достаточно взрослая девочка, чтобы пугаться из-за таких вещей!.. Ну поссорились. Ну разводятся. В первый раз, что ли!.. В последний, что ли!.. Авось совсем не разведутся.

Позевывая, я спросила, что на этот раз.

Я не сразу поняла, что он всерьез перепуган.

«Ты знаешь, случилось что-то совсем плохое. Что-то такое, чего я совсем не понимаю. Нет, раньше тоже все время случалось, и тоже плохое, и я тоже ничего не понимал, но сейчас как-то особенно не понимаю. А она мне не объясняет».

«Нет, ну хорошо, хорошо!.. А из-за чего все началось-то?..»

Да началось не сейчас и даже не вчера. Она все время в плохом настроении и все время какая-то несчастная. А когда не несчастная, то в раздражении. И у раздражения этого определенных причин нет, но есть одна штука, которая

раздражает ее постоянно, – это он!.. Не то чтобы она пришла с работы, а он кругом расставил грязные кофейные чашки и поразбросал носки, и забыл в школе ребенка, и не осведомился у тещи, как ее радикулит (бронхит), и прогулял субботний выезд с тестем на дачу, где уже давно пора поливать (окучивать) и открывать (закрывать) теплицу, чтобы помидоры не погорели (померзли). Все вышеперечисленное он регулярно проделывает, как и большинство мужчин, и в этом смысле ничего не изменилось, он продолжает в том же духе, только раньше она хоть иногда была в хорошем настроении, а нынче все время в плохом. И они все время ссорятся по вечерам, и он потом даже не может вспомнить из-за чего. Собственно, он как-то вообще не может понять из-за чего!..

И вот они опять поссорились, и проссорились весь вечер и полночи, и теперь он звонит и не знает, что делать дальше.

Я осторожно осведомилась, может, ей новые туфли хочется, а сказать словами она не может, ибо тонкая натура, а он все никак не догадается про туфли-то, ибо мужчины никогда не могут ни о чем таком догадаться. Мысль о межпланетной катастрофе или третьей мировой войне вполне может прийти им в голову, а вот о новых туфлях – почти никогда не приходит.

«Да нет, – ответил он грустно. – Дело не в туфлях. Я спрашивал. И цветы привозил, и в отпуск на майские слетали, только там тоже все время ссорились, и я не могу вспомнить из-за чего!..»

Я слушала его потерянный голос в трубке и думала как-то в разные стороны, о новых туфлях, которые мне тоже хочется, о том, что всех жалко и дело плохо, и она, должно быть, просто его разлюбила, а от этого диагноза нет никаких рецептов спасения, и не поможет ничего, о том, что уже скоро на работу, светает почти!.. И вдруг мне в голову пришла ужасная мысль.

Никто не придет назад, понимаете?..

Ничего не вернется, никогда.

Потерять, разломать, не уследить, сделать недовольное лицо, зачитать приговор гораздо проще, чем сохранить, уберечь, сделать счастливое лицо

и добиться помилования! Несчастным и нелюбимым вообще быть проще, чем счастливым и любимым, ибо любовь и счастье – большая работа!

И трудно очень.

Нужно как-то ухитряться любить их здесь, и сейчас, и такими, какие они есть. И прикладывать к этому усилия, и не жалеть себя и этих усилий, и никогда не подсчитывать, кто кому больше должен – она ему за то, что зарплату принес, или он ей за то, что ребенка из детского сада забирает!

Трудно, конечно, а что делать?..

И еще я подумала, что уж точно не хочу, чтобы мой любимый, который спит сейчас за стенкой, звонил по ночам чужим людям и говорил с тихим отчаянием, что все пропало!.. А я ведь тоже вполне себе умею делать недовольное лицо и зачитывать приговоры! И я уж точно не хочу, чтобы кто-то его утешал – только я могу утешить его лучше всех!

Утешить, пожалеть, помиловать.

Задеть, обидеть, казнить.

Кое-как попрощавшись с голосом в трубке, я стала варить кофе и жарить омлет – утро наступило, окончательно и безоговорочно. «Час быка» миновал.

И когда он, мой собственный, вылез к завтраку, сонный, недовольный, зевающий и невыспавшийся, я так ухаживала за ним, как будто ему сегодня предстоит, по меньшей мере, битва с драконом.

Он ничего не понял, конечно, ему было весело, и вкусно, и любовно, и на работу мы опоздали!..

Он ничего не понял, зато я в эту ночь поняла как-то на редкость ясно – я не хочу его казнить.

Я хочу, чтоб мы жили долго и счастливо и умерли в один день.

Дурацкие мечты

Однажды к нам в гости пришел Димон и был непривычно грустен. То есть на самом деле он приходит часто, а вот грустит редко, почти никогда.

Димон – друг Мишки, а Мишка – наш сын.

Мишке и Димону по семнадцать лет. Они категоричны в суждениях, чрезвычайно умны, знают о жизни все, редко сомневаются, презирают дураков и неучей, точно знают, что люди не должны совершать ошибок, страшно гордятся тем, что почти разучились писать рукой – только на клавиатуре, исключительно на клавиатуре! Еще они любят умные разговоры, газету Independent – ей-богу! – нашу собаку Нэну, чай с лимоном и конфетами и считают себя циниками.

Когда Димон ушел, я спросила у Мишки, в чем дело. Что такое случилось? Почему мальчик вместо двух килограммов конфет съел всего один и ни разу не заржал добрым радостным мальчишеским смехом? Мишка ответил, что у Димона скоро день рождения. И он, Димон, несмотря на то что по натуре страшный циник, вдруг загрустил немного. Просто он мечтал – когда-то очень давно, в далеком-предалеком детстве, – чтобы у него был горный велосипед. Такой крутой, самый настоящий, на широких рифленых шинах, со множеством передач, суппортов, спортивным рулем и сверкающими на солнце спицами колес. А еще он мечтал, чтобы у него был кот.

И вот теперь у него, у Димона, есть все. Есть компьютер, очень навороченный, очень быстрый и вообще продвинутый. Есть всякие игровые приставки. Есть принтеры, сканеры и даже собственный домашний сервер, что ли… Еще у его папы есть, кажется, японская машина, а у мамы, кажется, еще какая-то машина.

А кота и велосипеда так и нет. Вот он и загрустил немного, Димон-то.

Я тоже загрустила – не то чтобы немного!.. Я загрустила всерьез.

А тут, как назло, еще и депутаты! Эти самые депутаты в телевизоре как раз в этот вечер рассуждали о том, что следует немедленно ввести комендантский

час для подростков. Чтобы они не болтались вечерами по улицам, а чинно сидели дома и вместе с родителями осуществляли просмотр программы «Время» с последующим ее обсуждением. Помимо комендантского часа предлагалось еще ввести фильтры, чтобы из мировой Сети подростки не скачивали ничего такого, что могло бы их растлить. Заметьте, про велосипед и кота не было сказано ни слова, а ведь это так просто!

Послушайте! Может, если купить им всем по коту и еще по велосипеду, не понадобится комендантский час и фильтры, а?.. Может, все дело в том, что нам некогда и неохота с ними возиться. Неохота! У нас программа «Время», очередной чудодейственный рецепт похудания, депутаты, разведенная подруга, сериал про любовь и семейные ценности – вот у них там, в сериале, все по-другому: и дети красивые и умные, и муж деловит и интересен, и родители никуда не лезут, сидят себе тихо на втором плане и время от времени подают реплики. Куда нам кота-то?! У нас от него непременно сделается аллергия, и еще он издерет когтями свежекупленный белый диван и станет оставлять на брюках клоки своей гадкой кошачьей шерсти! Куда нам велосипед-то?! На балконе и без велосипеда не протолкнуться, там тьма полезных и нужных вещей – вроде ножной швейной машинки, полученной когда-то в приданое, катушечного магнитофона и телевизора «Радуга», который давно ничего не показывал и не покажет больше, и надо бы его на дачу увезти, но все как-то недосуг.

Послушайте!.. Мы ведь взрослые. Мы-то должны понимать, что им от нашей прекрасной жизни просто некуда деваться – только кануть в эту самую Сеть, пропади она пропадом, или спасаться от фатального одиночества в компании себе подобных! Они ведь все когда-то хотели велосипед и кота, только нам до этого не было дела. Или мы не обращали внимания. Или нам было лень.

Я не люблю котов, я люблю собак – чем крупнее, тем лучше. И я не знаю, как моя собака поладит с котом, но я его куплю. Я еще не сошла с ума и не принесу его к порогу Димоновой квартиры. Он будет жить у нас, но это будет как бы его кот, и он сможет к нему приходить. И когда Димон станет пить чай с конфетами, кот будет сидеть у него на коленях. Может быть, это очень глупо. Может быть, уже поздно. Может быть, но все-таки я его куплю.

Мы взрослые. Мы здесь. Мы рядом. Мы всегда на твоей стороне, мальчик, каких бы глупостей ты ни наделал. Пока у нас есть возможность, мы выполним твои

самые дурацкие мечты.

И пусть идут к черту депутаты, фильтры и комендантский час.

Кот-то у нас обязательно будет.

На пороге

День начался ужасно. Мы все вскочили ни свет ни заря, а я этого терпеть не могу! После многолетней работы на телевидении, когда нужно было «уходить в монтаж» на ночь, сидеть перед монитором на продавленном стуле, из которого во все стороны вылезали поролоновые внутренности, накрывшись с головой шерстяным платком – от холода, поедать булку с сосиской – от голода, курить одну сигарету от другой, есть растворимый кофе ложкой из банки и запивать теплой водой из-под крана, чтобы не заснуть, – вот после всего этого вставать в полшестого я не могу. Мне плохо. Меня тошнит от вида детей и от запаха кофе. Радостные всхлипывания, подвывания и слоновьи прыжки собаки – ура, ура, уже утро, все встали, сейчас гулять поведут! – вызывают во мне отвращение. Бодрый утренний голос мужа, живо интересующегося – не постирала ли я его пропуск на работу вместе с рубахой? – заставляет меня задуматься о бренности всего сущего.

Я не хочу. Не хочу я!

Перспектива тоже была не радостной.

Женька уезжает в командировку и приедет неизвестно когда – как пойдут испытания. Может, вечером, а может, через неделю. У младшего в школе утренник, и про костюм зайчика мы с бабушкой, ясен пень, забыли. Да и хотелось ему вовсе не костюм зайчика, а костюм пирата. По этому поводу происходят некоторые рыдания и метания. У старшего в институте очередной тур КВН. Сценарий он написал, конечно, но никто, никто не оценил его, сценария, великолепия. И Мишка теперь слоняется в трусах, хотя давно пора уезжать, и пребывает в томности – то ли сценарий сию минуту переписать, то ли объявить всем, кто будет в этом КВН играть, что они дураки и ничего не

понимают в большой русской драматургии – ну в том смысле, что он там понаписал.

Ну ма-ама!.. Ну сделай что-нибудь!.. Ну Та-аня! Ну пропуск-то где?!

Сейчас. Just a moment. Всегда готова.

Кофе убежал на плиту, и теперь по всему дому воняет жженой резиной, мне нужно не то чтобы навести красоту, но хотя бы прикрыть наготу, ибо у меня историческая встреча с издателем. Он начинает работать в восемь утра, он собранный, хорошо организованный, деловой человек, и наплевать ему, что мне легче переночевать на пороге его кабинета, чем с Рязанского шоссе переть к нему на Ленинградку к десяти по всем декабрьским пробкам!..

Я несобранная, плохо организованная и ни фига не деловая, вот какая я! И еще он мне сейчас всыплет за то, что я опять опаздываю с романом.

Тут как раз собаку стошнило. Стошнило ее в тот самый момент, когда я уже почти вырулила на старт, дыша духами и туманами, и на шпильках. Кто не пробовал мыть полы на шпильках, тот ничего не понимает в жизни!

В общем, я рыдала всю дорогу до издательства. У меня ничего не получается, ничего! Мне уже сорок лет, а я так ничему и не научилась. У меня безответственные дети и инфантильный муж. Мама, видимо, впала в склероз – костюм зайчика-то был забыт! Сестре нет до меня дела. Романы я пишу долго и плохо, издатель недоволен, и сейчас он мне всыплет.

Мне не место среди всех остальных, умных, собранных и деловых людей, назначающих встречи на десять. Они живут совершенно другой жизнью. У них наверняка есть… особые условия. Их всех оберегают, окружают любовью и заботой, создают вокруг них уют, красоту и беспечность, как-то так.

Зареванная, торжественная, почти окончательно решившая удалиться от мира в обитель на Белом море, прикрыв очками глаза, чтобы не слишком походить на пожилого сенбернара, опоздав на полтора часа, я воздвиглась в кабинет издателя.

Он удивился немного – у меня на самом деле был странный вид, а про обитель он не мог догадаться, конечно.

«Я хотел показать тебе сводки, – сказал издатель и сунул мне в руки растрепанную папку. – Смотри. Роман, с которым ты так долго мучилась, везде в первой десятке. Ты смотри, смотри! И у оптовиков, и в магазинах, и в рейтингах. Ты молодец, – сказал мне издатель. – Не зря мучилась».

Потом я три часа ехала домой, с Ленинградки на Рязанку, лелея мысль о том, что я молодец. Ну, видимо, не все еще пропало!

Дома металась виноватая мама, некстати забывшая про зайчика, и пахло пирогом. Мама изо всех сил стремилась загладить свою ужасную вину и улучшить мне настроение. Тимофей объявил, что в полугодии у него по английскому «вырисовывается пятерочка и Ольга Викторовна его хвалила». Мишка позвонил и очень деловым тоном сообщил, что задерживается, ибо у него репетиция КВН, сценарий полностью одобрен, осталось теперь только хорошо отыграть. «Вы с папой придете на финал, мам?..»

«Ну конечно, придем! Если папина установка будет работать, а меня не вызовет на ковер издатель».

И вообще – скоро Новый год.

А Новый год приходит без всяких особых условий.

Развод и девичья фамилия

Однажды среди ночи позвонила подруга и сказала, что от нее ушел муж. В нашем, немолодом уже возрасте, как говорил Хоботов, такие звонки давно не новость, и ощущение катастрофы – вскочить, натянуть джинсы и ехать спасать – немного притупилось. Это пятнадцать лет назад, когда мы ничего не знали, казалось, что мир рухнул – ну, конечно, муж ушел!.. Что делать, как жить? Куда

кидаться? Хоть из окна, потому что сил нет терпеть. И больно, и страшно, и ночь на дворе, пресловутый «час быка», и непонятно, удастся ли дожить до рассвета? Сейчас все… попроще. Уже можно обойтись шлепанцами, собственной полутемной кухней, чашкой кофе, сигаретой и телефоном, иногда до самого утра. Тут уж ничего не поделаешь. Ей надо рассказать мне или кому-нибудь, какой он подлец, а мне или кому-нибудь надо это выслушать. Помочь в данную секунду нельзя ничем.

Потом будет можно даже не помочь, а отвлечь немного. Поедем на выходные в Дивеево или в Бородино. Пойдем в парк слушать этнический джаз. Давай жарить шашлыки у нас на участке… И джаз, и парк, и шашлыки – все под бесконечные разговоры об одном и том же. Вернее, это один нескончаемый разговор, суть которого сводится к тому, что он подлец. Вот как ей не повезло, моей подруге. Ей попался подлец. С этим подлецом она прожила много лет, и спустя долгие годы все открылось! Ну в том смысле, что он подлец и просто ловко маскировался. Я слушаю и соглашаюсь – конечно, подлец, кто же еще?! Не соглашаться нельзя, в отчаянии, горе и безнадеге человек нуждается только в поддержке и уж никак не в «разборе полетов»!

Я слушаю и день, и два, и неделю, и месяц. Подлость подлеца приобретает какие-то космические масштабы, а его свинство становится все более свинским. Оказывается, все эти годы он… Вместо того чтобы… А она-то думала, что он… А на самом деле в это время…

В конце концов разговоры про подлеца начинают угрожать моей семейной жизни тоже, ибо телефон звонит, я встаю и ухожу с ним в другую комнату, провожаемая саркастическими мужниными высказываниями в том смысле, что если я и дальше буду часами сидеть с телефоном в другой комнате, он, пожалуй, начнет посещать стрип-бары и попадет там в дурную компанию.

Но мне не до него. Мы с подругой по косточкам разбираем подлеца и в подробностях обсуждаем его очередную подлость. В конце концов, когда перспектива посещения стрип-баров начинает приобретать все более реальные очертания, я предлагаю ей осторожно – может, вы уже перестанете рвать друг другу душу? Отпусти ты на свободу и его, и себя, и… жизнь продолжается! Или нет?.. Нет. Третьего дня он прислал эсэмэску, в которой… Вчера звонил в полночь и сказал мне, что… Сегодня он позвонил мне перед совещанием, и ему хватило наглости заявить, что… Что?! Что?!

Я очень ей сочувствую, я старательно вникаю в детали, я уже в сотый раз выслушиваю историю о том, как он забыл поздравить ее с днем рождения три года назад, а потом оправдывался, что был в командировке и там потерял счет времени. В сотый, а все как будто в первый! Мне уже кажется, что я знаю проделки его сестры так, как будто это моя собственная сестра. Я старательно подсчитываю его деньги, и у меня тоже «не сходится», из чего я делаю вывод, что он долгие годы тратил их на каких-то посторонних баб. Впрочем, что с него взять – подлец!..

Какая-то смутная, раздражающая меня мысль постепенно, но уверенно формируется в моем мозгу и начинает просачиваться в наши разговоры, как керосин из-под пресса. Постой, постой, что у нас получается? Получается, что все эти годы ты даже не подозревала, что он подлец? Ты вышла за него замуж, и тебе было не восемнадцать, и ему не двадцать три, у вас обоих за спиной уже было по одному неудачному браку, и все равно ты не подозревала, что он подлец? Ты ездила с ним в отпуск, рожала от него детей, вникала в его отношения с начальством и все еще не подозревала, что он подлец? Ты спала с ним и – хуже того! – просыпалась с ним же, варила ему кофе, пристраивала к врачам, ибо мужики ненавидят лечиться, их непременно надо заставлять, ты хвасталась им на встрече выпускников и опять не подозревала, что он подлец?!

Здесь что-то не то, думаю я. Так не бывает. Это такая же ахинея, как и внезапная тяга моего собственного мужа к стрип-барам! Я же его знаю! Или мне только кажется, что знаю?..

И тут она в очередной раз позвонила. У нее был такой счастливый голос, что я ее не узнала. Видимо, будет богатой. Ничего особенного не случилось. Просто подлец вернулся домой, вот и все.

Объект поклонения

Дернул меня черт пристать – отвези да отвези на дачу!.. А середина дня. А времени нет. А я пристала!..

В общем, ноутбук я забыла в машине. Ну металась туда-сюда в панике и – забыла!.. Без ноутбука «работать головой» нет никакой возможности. Помните, старый черт у Толстого учил крестьян «работать головой», а те все никак не могли взять в толк, чего он от них хочет-то, потому что умели работать только руками?!. Раз головой не выходит, значит, руками, ведь как-то же нужно работать, без дела сидеть не годится, так утверждала моя бабушка. Ну и я принялась грести листья, мыть крыльцо и чистить дорожки.

Ноутбук-то обратно в город уехал!..

Я драила плитку, продвигаясь от крыльца к кустам жасмина, думала о романе, забытом ноутбуке, потерянном времени и решительно не думала о… джинсах.

Когда спине стало совсем невыносимо, я кое-как дошаркала до крана, шланг перестал плеваться холодной упругой водой, бухнулся на отдраенную плитку, я воззрилась на нее с гордостью, перевела взгляд, и тут вдруг обнаружилось…

Если б вы только знали, что тут обнаружилось!..

Джинсов на мне не было.

То есть они никуда по большому счету не делись, конечно, но то, что раньше было джинсами, да еще любимыми, да еще светлыми, да еще такими довольно кокетливыми, ну, по крайней мере, на мой взгляд, оказалось безобразной твердой мокрой тряпкой, как следует зацементированной летевшей с плитки грязью.

Растопыренной пятерней я попробовала стряхнуть хотя бы часть культурного слоя – куда там! Я потопала ногами в тщетной надежде, может, отвалится хоть часть. Я взялась за штанины и стала глупо трясти ими в разные стороны, как клоун в цирке, но что было трясти?!

Ничего, ничего не помогало!

Сестра сказала: «Что ты переживаешь, все отстирается, это просто земля, ты же не купалась в цистерне с мазутом!» Но я ей не поверила. Мне хотелось… гарантий, что джинсы будут спасены.

Я ковыряла пальцем, пытаясь раскопать под слоем грязи их истинную сущность. Поплевав на палец, я пыталась расчистить хотя бы островок. Я проклинала все на свете и себя в первую очередь – зачем я их надела, да еще на дачу!.. Я раз пятьдесят спросила у сестры, точно джинсы отстираются? Будто она не сестра, а стиральная машина с универсальной программой!..

Вернувшись в город, я первым делом кинулась спасать джинсы. Я остервенело почистила их щеткой, налила в контейнер специальное волшебное средство, а потом каждые пять минут проверяла, как они там крутятся в машинном барабане!

Джинсы после всех спасательных операций выглядели идеально. Написала бы – как новые, но нет, они выглядели гораздо лучше новых! И отстирались, и отгладились, и, кажется, стали еще кокетливее.

Все было бы прекрасно, если бы на следующий день они не порвались. Так, что никакому восстановлению больше не подлежали, и я, мужественно сопя, скатала их в ком и выбросила на помойку – чтобы больше никогда не видеть.

Они, эти самые джинсы, просто не вынесли моей любви, понимаете?.. Они готовы были служить, и украшать меня, и доставлять удовольствие, но решительно не желали превращаться в объект… поклонения.

Это оказалось выше их сил. Они не захотели такой ответственности.

Как только джинсы – или новая работа, или новый (старый) ребенок, или любимый мужчина (женщина, собачка) – становятся объектом поклонения и идефиксом, они решительно не желают оставаться рядом.

Джинсы рвутся, ребенок предпочитает вашей истерической любви компанию друзей или подруг, любимый удаляется в пампасы, с работы выгоняют.

Потому что так нельзя. Это… перебор.

Мы не оставляем выбора – ни себе, ни людям, ни джинсам, ни работам. Я так тебя люблю, так хочу, и можно сказать, жажду, что сию минуту сконаю, сь, если

не заполучу в вечное и бесконечное владение.

А они-то так не хотят. Они хотят и вполне могут быть… нашей частью жизни, а не ее основной составляющей, ибо у нас своя жизнь, а у них своя! Собственная. Даже у джинсов, которые вот взяли и порвались!..

Если любимый занят своими делами, ребенок ушел к другу, джинсы испачкались, а мама уже час болтает по телефону с тетей Раей и не обращает на вас никакого внимания, скажите себе: «Тихо-тихо-тихо!» – и отправляйтесь в кино.

Давайте любить и хотеть… в меру.

Освободите их немножко от своей любви. Заодно попкорна погрызете!..

А вы не были на Колыме?

Однажды Юра принес домой реликтового тритона. Тритону было четыре тысячи лет, а может, две с половиной, точно никто не знал. А Юре лет тридцать шесть, наверное. Может, тридцать четыре.

Юра работал на шахте им. XXI съезда КПСС, этой шахты сейчас нет, и нашел он тритона в «линзе» – во льду вечной мерзлоты. Вместе с куском «линзы» Юра вырезал тритона, принес в свой барак и свалил в тазик. Пока он мыл руки и жарил картошку, реликтовый тритон четырех тысяч лет от роду, а может, двух с половиной, оттаял, ожил, начал понемногу плавать в тазике, а потом выбрался и стал ползать по дощатому полу.

Юра решительно не знал, что следует делать с реликтовыми тритонами, когда они оживают и начинают ползать и плавать, и поэтому утром выпустил его в Колыму. Тритон, подумал Юра, если он не дурак, конечно, как-нибудь освоится с новыми условиями жизни. Не зря же он единым духом перемахнул четыре тысячи лет!

А может, две с половиной.

Через некоторое время Юра полетел «на материк», в Винницу, к родителям, и в самолете встретился с биологом, который, захлебываясь от счастья, показал Юре точно такого же реликтового тритона, добытого еще какими-то шахтерами и переданного биологу для изучения. Оказалось, что этот тритон обладает такими-то и такими-то уникальными свойствами, а эдакими и растакими, напротив, не обладает. Еще оказалось, что он подтверждает следующие гипотезы и опровергает предыдущие гипотезы, которые, если бы не тритон и не шахтеры, никогда не были бы ни подтверждены, ни опровергнуты.

Биолог летел на научную конференцию, глаза у него сияли, волосы на голове шевелились от предчувствия победы и уши горели. Непосредственно тритон был у него в банке, а в портфеле докторская диссертация на тему тритона, а может – бери выше! – Нобелевская премия, или что там дают в биологии?..

Научный мир будет стонать от восторга, а седовласые академики выстроятся в очередь, чтобы пожать биологу руку с зажатой в ней банкой с реликтовым тритоном.

Юра слушал и смущался, потому что ребята то и дело находили в забое, в мерзлоте, тритонов, мух, блох, пауков и еще каких-то тварей, и никто на них особо никакого внимания не обращал. И о перевороте в мировой науке, ясное дело, никогда не думал.

С тех пор прошло много лет, и шахты такой больше не существует, и Юра давно уже работает на Дусканье – так называется река и Юрин прииск, – и тритоны больше не попадаются, но чудес ему и без тритонов хватает.

Тайга, река, сопки, закаты, рассветы.

Брусника, голубика, морошка, жимолость – длинненькие, твердые темно-синие ягоды с нежным налетом, как будто тронутые туманом.

Варенье из жимолости отличное, и просто так пригоршню съесть вкусно.

Юра редко выбирается в Магадан, хотя у него там квартира, японская машина и все прочие атрибуты успешного цивилизованного человека. В Усть-Омчуге, где у него контора, еще одна японская машина, несгораемый шкаф со старательской бухгалтерией и старательскими договорами, он тоже надолго не задерживается.

В тайге как-то лучше. Понятней, надежней. Красивей, безопасней.

Какие там опасности, в тайге?.. Ну, зимой мороз – на этот случай есть тулуп, валенки, шапка. Летом медведь – на этот случай карабин и фальшфейер.
А больше кого там бояться?..

Я раньше думала, что все это какие-то сказки и что люди специально переворачивают реальность, живут в тайге и на приисках.

Теперь, побывав на Колыме, я точно знаю, что перевернутая реальность как раз «на материке», то есть здесь, у нас с вами.

Там все по-честному.

А здесь… сплошной фальшфейер. Шума много, дым пускает, искры сыплются, а толку никакого. Если хочешь жить в согласии с собой и природой хотя бы какое-то короткое время, нужно купить билет до Магадана, позвонить Юре, договориться, чтоб встретил, и уехать на Дусканью.

В поисках смысла – я прекрасно знаю, что нынче модно изнемогать от цивилизации и искать нечто посконное, домотканое и истинное, – но для этого не обязательно тащиться на Тибет и обременять собой далай-ламу.

Не ходите, дети, в Африку гулять. В Африке все чужое, и вы все равно там ничего не поймете. Вы же не родились в Конго или Джибути.

Вы родились именно в этой стране, над которой самолет летит девять часов и где есть все – золотые прииски, синие реки, изумрудные горы, Юра, варенье из жимолости. И реликтовых тритонов хоть отбавляй.

Езжайте все на Колыму.

А то сплошной фальшфейер какой-то получается.

Почувствовала себя стукачом

Знакомая барышня собралась замуж.

Вызвала, вся трепетная, в кафе и сообщила, что «они с Игорешкой решили пожениться».

«Игорешка» в этом году заканчивает курс, барышня пока что курс продолжает, но есть родители, а также бабушка с дедушкой, которые на все готовы – и квартиру снять, а может, даже купить, и машинку брачующимся подарить, и Мальдивы оплатить, впрочем, лучше, конечно, Ибицу, и ложки-вилки-салфетки-табуретки взять на себя.

То есть смело можно под венец.

Не очень, правда, ясно, кто на ком собирается жениться, то ли родители друг на друге, то ли дедушка на бабушке, ибо и свадьба, и лимузин, и денежки, и дальнейшая жизнь – это докука «взрослых», а вовсе не молодых, ну да ладно.

Вот мы посиживали в кафе, попивали капучино, обсуждали наряды и агентство, которое может взять на себя такое сложное мероприятие, как современная городская свадьба «миддл класса», и чувствовали себя практически героинями сериала «Sex and the City», и очень себе нравились, как вдруг выяснилось, что барышня с «Игорешкой» собираются… повенчаться.

Я поперхнулась капучино, барышня сочувственно похлопала меня по спине. Я достала сигарету и осторожно осведомилась:

– А мама знает про венчание?

Ну конечно, знает! Здесь, правда, есть некоторые трудности, потому что нужно выбрать храм покрасивее и побогаче и с батюшкой договориться, чтобы он не всех скопом венчал, как в Северной Корее на празднике невест, а чтоб только «их с Игорешкой», так сказать, эксклюзивно. Венчают исключительно с бумажкой из ЗАГСа, так что придется сначала туда, а потом сюда, и платьев, выходит, нужно два, или нет, ура, даже четыре! Потому что получается, что «первых дня» будет два, ну и «вторых», соответственно, тоже.

Про платья я все поняла, а про венчание не очень.

– А зачем ты собираешься венчаться?..

Ах, ну как зачем, как зачем?.. Затем. Во-первых, все так делают. То есть венчаются. Это очень модно и красиво. Во-вторых, тогда праздников получается два, а платьев, соответственно, четыре (см. выше). В-третьих, было еще что-то важное. Точно было!.. Да, вот! Нужно же, чтоб Бог благословил, вот что!..

И она успокоенно улыбнулась.

Чувствуя себя стукачом и отчасти Павликом Морозовым, сдавшим властям родного отца, я на следующий день позвонила ее маме. И спросила про венчание.

Мама вздохнула и сказала, что о затее осведомлена, дальше последовала сбивчивая речь про то, что «так сейчас все делают» и, кажется, что-то про платья.

Я опять поняла про платья и не очень… про венчание.

Нет, барышня, правда, очень мила, хотя вовсе не из православной семьи, папа бороду не носит, мама заутреню не стоит, дети церковно-приходскую школу не посещают! «Игорешка» тоже вполне ничего, но я точно знаю, что и она никаким терпением не страдает, и он никакой самоотверженностью не поражен. И еще, кажется, я точно знаю, что будет дальше.

Дальше некоторое время все будет очень весело – и Ибица, и машинка, подаренная папой, и ложки-вилки-салфетки-табуретки, и дни рождения на кухне

со свечами, и друзья, приглашенные в пятницу на пиццу.

Потом все это… надоест. Новизна быстро приедается и становится обыденностью.

Нужно ехать домой и там ударно «выдавать» уже жену и подругу жизни (мужа и отца семейства). Подавать котлету. Выслушивать историю про Тырышкина, который опять подсидел его (ее) на работе – кто такой, этот Тырышкин-то?! Смотреть футбол (бокс, гандбол, синхронное плавание, ледовое катание). Поить аспирином, когда он пришел не просто подшофе, а на рогах. Выдавать денежку из заначки, когда у нее развалились любимые шпильки.

Все это нам известно и понятно, только непонятно, при чем тут… Бог.

Ну, поклянется она «Игорешке» в вечной любви, и он ей тоже, ну, обманут они друг друга, ежу понятно, ну, не будут же они в самом деле жить «долго и счастливо» и в один день не умрут, но Бога-то зачем во всю эту канитель втягивать?!

Он разве насильно заставляет клясться перед алтарем, чтобы потом… обмануть?! Он как-то силком, что ли, тащит барышню с «Игорешкой» к венцу?! Он как-то настаивает, что ли, на том, чтобы они давали обещания именно Ему?! Ему самому!

Вот что хотите со мной делайте, а я точно знаю, что есть… наказуемые вещи. Ну они точно есть.

Не нужно венчаться, потому что это модно, красиво и «так делают все», включая Ирку из четвертого подъезда. Если точно не уверены, что «в богатстве и в бедности, в болезни и в здравии, в жизни и в смерти»!..

В двадцать три года в этом решительно нельзя быть уверенным. Ну никак нельзя, несмотря на всю любовь к «Игорешке» и желание быть как Ирка.

Впрочем, может, Бог и простит. Он-то как раз терпеливый.

Волшебный пес

Зимой всегда нелегко, гораздо хуже, чем летом. Дня нет. Мы встаем в темноте, будим детей, чтобы отправить в школу и в институт, а они не встают – ночь на дворе. Мы по нескольку раз вламываемся в их комнаты, стягиваем одеяла, потряхиваем, пощекочиваем, поглаживаем, а дело ни с места, а время идет, а за окнами ночь, а ехать надо и уже опаздываем. Когда мы начинаем покрикивать и повизгивать, нога за ногу, кое-как, с большим трудом, зевая до слез и натыкаясь на стены, они по очереди волокутся в ванную, а потом, понуро ссутулившись, сидят за столом, болтая ложками в чашках, и никакие уговоры, что нужно непременно позавтракать, да еще быстро, не помогают – не могут они ночью завтракать, не хотят.

Мы возвращаемся домой в темноте – дня как будто не было!.. Кругом горит электрический свет, и, где не успели задернуть шторы, в окна лезет ночь, непроглядная, твердая и холодная, как гранитная скала. Чтобы не видеть скалу, нужно скорей, скорей задвинуть шторы и хорошо бы еще свечи зажечь, чтобы живое пламя потеснило немного электрический свет, но какие тут свечи!.. Нужно быстро готовить ужин, быстро его съесть, быстро выслушивать истории и быстро проверять уроки, ночь на дворе!..

Из-за постоянной ночи все, с одной стороны, какие-то вялые и ненатуральные, как помидоры в вакуумной упаковке, с другой – раздражительные, взрывоопасные, не приставай, не влезай, будет только хуже!..

На дорогах грязь, на сапогах белые разводы, на лицах зеленоватая бледность, на тротуарах скользкая мерзость, в пакете невкусная еда, на работе несделанные дела, на душе темнота.

…А что делать? Климат такой…

Получается маета, отсутствие смысла, никакого просвета, бодрости тоже никакой, и ждать, в общем, нечего – весна еще когда-а-а придет! И кто ее знает, может, вообще не придет.

И вдруг у нас собака пропала.

Позвонила сестра, и я даже не сразу узнала ее голос. Этот самый голос сказал, что на участке никого нет, пусто. Инка даже не сразу поняла, что случилось, и некоторое время бессмысленно слонялась в дневных угасающих сумерках и заглядывала под каждый куст. Но и под кустами никого не было!..

Все дело в том, что наш пес живет под кустом. Пса зовут Микимото – ну, потому что так зовут! – и он самурай по происхождению и по сути. Порода называется акита. Мы взяли его летом, когда светило солнце, и день еще был, и тепло тоже было, и солнце светило вовсю, и кусты были плотные, упругие, во все стороны растопырившие ветки. Наш щенок прекрасно доехал аж от самой Дубны, где проживал до нашего появления в его жизни с братьями, сестрами и хозяйкой Аней, и уже здесь, у нас, обойдя участок по периметру, выбрал себе куст пораскидистей и в нем поселился.

Никакие уговоры – в будке, мол, гораздо лучше, суше, выше и вообще как-то цивилизованней для собаки – на него не действовали. Он самурай!.. Он спит на земле, ему наплевать на дождь, и его не интересуют такие мелочи, как жара, холод или удобства. Он не мелочится.

Он всегда всем доволен и очень рад нас видеть. Заслышав знакомую машину, он скручивает в бублик толстый, пушистый и раскидистый хвост и бежит встречать. Дождаться нет никакого терпения, и пока открываются ворота, под ними торчит улыбающаяся физиономия нашего акиты, а потом нужно обязательно опустить стекло, потому что в ту же секунду, как машина въезжает на участок, Микимото кидается, бежит, догоняет и ставит лапы на дверь, и в салон просовывается лобастая башка – ребята, вы приехали?! Вот радость-то, вот молодцы!..

Он оптимист. Ему нравится непогода, впрочем, солнышко тоже нравится, он никогда не огорчается по мелочам, и его хвост бубликом то и дело мелькает тут и там. Микимото интересуется жизнью.

А тут Инка вышла – хвоста не видно, нигде не мелькает, и под кустами никого, и, самое главное, дня нет. Он то ли не начался, то ли уже закончился, и где искать самурая – непонятно, и как он исчез – непонятно тоже, и куда!.. А живем мы в старом поселке, где множество улочек, переулков, тупичков, старых дач с покосившимся штакетником. Как его искать во всей этой сумеречной дачной

путанице?!

Мы со старшим сыном, не раздумывая ни секунды, поехали. Бессмысленные созвоны, бессмысленные вопросы – а ты во сколько обнаружила, что его нет? Как только вышла, так сразу и обнаружила! А в какую сторону он мог побежать? Господи, да в любую! Он же еще щенок, мало ли куда его могло увести любопытство и несгибаемый самурайский дух! А за железную дорогу он мог уйти? Ну, конечно, и вообще нужно спешить, сейчас совсем стемнеет!..

Мишка высадил меня на берегу какой-то поселковой лужицы, которая в нашей мифологии именуется озером, и я пошла по мокрой улочке, засыпанной облетевшими листьями, слегка припорошенными снегом.

…Вы не видели здесь собаку? Уши торчком и хвост бубликом! Не пробегала? Может, и пробегала, шут ее знает. Мало ли по поселку собак бегает!..

И темнеет, темнеет стремительно!..

Мишка сразу, как только мы поехали, вызвал на поиски друга Димана. Друг Диман выслушал сообщение о том, что Микимото пропал, и сказал: «Еду». Потом я, немного поколебавшись, позвонила Жене. Я знала, что лучше не звонить, у него завтра доклад, и я знала про доклад, а его еще написать нужно. И с утра муж звонил, очень раздраженный, и говорил, что работа у него «не идет», а вопрос серьезный, и от него многое зависит.

Женя выслушал меня и сказал: «Еду».

Я металась по переулкам, приставала к бабусям в платках и случайным прохожим и уже понимала, что никого мы не найдем – ну потому что это невозможно и уже почти ночь!..

Скоро будет совсем окончательная ночь, и наш маленький самурай, такой бодрый, жизнерадостный и глупый, останется на улице и станет искать куст, в котором он привык ночевать, и свой желтый мячик, и миску, и нас, и никого не найдет.

Снег пошел, я сильно замерзла, ноги чавкали, когда я наступала в лужи, и тут мимо меня проехала на машине Инка, не заметив. Она же собаку искала, а не меня!.. Я бегом догнала ее, влезла в теплое нутро автомобиля, и мы втроем – еще Саня была, племянница, – не разрешая себе скулить, выработали план действий.

Совершенно идиотский. Мишка поедет направо. Диман поедет налево. Женя поедет прямо через дорогу. А мы втроем по кругу.

Мишка с Диманом, как самые продвинутые, вооружились навигаторами, чтобы искать при помощи технических новинок, а мы продолжили по старинке – на всех перекрестках притормаживали и в разные стороны смотрели в сумеречные переулки. Ничего и никого не было в переулках, только сгущавшиеся сумерки, старые заборы и облетевшие кусты.

Его нашел Мишка.

Позвонил и заорал так, что я чуть не уронила трубу.

«Я его держу, – орал Мишка. – Он здесь, со мной!..»

Все члены мафиозного клана как-то в одну секунду съехались на угол улицы Коммунистического Интернационала и Клары Цеткин, где Мишка держал за ошейник совершенно мокрого самурая. Он был страшно рад нас видеть.

Мы затолкали его в багажник, захлопнули дверь, заперли замки, выдохнули и закурили – даже те, которые отродясь не курили.

Кругом была ночь, снег пошел. Мы все продрогли, вымокли, устали и были абсолютно счастливы.

Мы громко говорили, хлопали друг друга по плечам, то и дело заглядывали в багажник и сообщали Микимото, что он последний идиот, и обзывали его другими разными неприличными словами, потом лезли в машину, трясли его за уши – он радостно улыбался – и обсуждали «операцию», и вспоминали подробности, и сотый раз требовали, чтоб Мишка рассказал, как он его увидел, совсем рядом с домом, как бросил машину, выскочил, побежал, догнал!..

Все это было нам очень важно.

Потом мы все заехали на участок, проверили ворота и калитки, чтобы Микимото снова как-нибудь ненароком не утек, уселись пить чай и в пять минут уничтожили недельные запасы провизии, и то и дело выбегали на крыльцо, чтобы проверить, мелькает ли в темноте белый хвост бубликом!..

…Мы никак не могли его потерять. Ну никак. В кромешной темноте, когда день то ли не приходит вовсе, то ли приходит всего на несколько минут, очень нужны хоть чей-нибудь оптимизм и стойкость. Для поддержки очень нужны!..

Совершенно необходимо сознание, что холод и мрак – просто мелочи жизни, и настоящему самураю на них наплевать, он все равно радуется жизни, людям, открывающимся воротам, желтому мячику.

Доклад напишется, работа сделается, солнышко выглянет, весна придет – обязательно должен быть кто-нибудь, кто, может, и не убедит нас в этом, то хотя бы поддержит.

Наш пес-самурай нас поддерживает, и спасибо ему за это!

На грани кипения!

Почему-то билеты на самолет ему все время покупают очень неудобные, ужасно неудобные: или улетать нужно в четыре утра, или прилетать в два ночи и никогда из Домодедова, до которого нам рукой подать, а всегда из Шереметьева, до которого семь верст киселя хлебать!..

Болваны какие-то покупают. То есть болванки, или нет, нет, болванши – секретарши и помощницы бывают исключительно женского рода!..

И мы их потом меняем. Не секретарш, а билеты, ясное дело.

Вот и на прошлой неделе пришлось. Мы рассмотрели билеты, все поняли – и про семь верст, и про четыре утра, и про то, что обратный почему-то на воскресенье, хотя можно смело улететь в пятницу и не сидеть в уездной гостинице все выходные!.. Я, конечно, заорала, что все дураки. Он, конечно, сказал, что оно того не стоит, и поехал в кассу.

Я в это время то ли интервью давала, то ли книги читателям подписывала. Нечто, в общем, важное и общественно-полезное.

И тут он позвонил и что-то такое забормотал в трубку перепуганным голосом.

Я поняла, что дело плохо, и, сделав лицо как у товарища Огурцова из кинокартины «Карнавальная ночь», улыбаясь улыбкой типа «гы-ы-ы», подвиливая задом, извиняясь и кланяясь – люди-то ждут! – выскочила в коридор.

В трубке все это время продолжалось бормотание, а на заднем плане какие-то вопли, не слишком отчетливые, но такие… настойчивые.

– Что случилось?! Ты где?!

– Я в кассе, – сказал он растерянно.

Я думала, его забрали в милицию.

– Я хотел поменять билет. А они говорят, этот тариф поменять никак нельзя, и вообще нужно ехать в кассу, где его покупали, а шут знает, где его покупали, потому что я же сам не покупал, а они говорят…

Тесня его голос в телефонной трубке, раздраженное женское контральто неслось мне в ухо без пауз и запятых.

– …А я вам повторяю – езжайте туда, где куплено, а у нас система этот тариф не грузит и вообще до закрытия полчаса мне кассу сдавать а билеты надо сразу проверять а то накупят а потом сдают а вы знаете как это нам неудобно когда сдают…

Я не выношу хамства – покажите мне хоть одного человека, который бы любил, когда хамят, ну вот и я не исключение!.. Но здесь есть некоторый нюанс.

Конечно, я огорчаюсь, когда хамят мне, и меня это задевает. И потом, как все нормальные люди, я придумываю «достойные ответы», которые в нужную минуту, конечно же, не пришли мне в голову, но когда хамят ему, я готова… убить.

Как говорила Софико Чиаурели, «хорошо бы подкараулить в темном переулке и треснуть кирпичом по голове!»

Он не умеет защищаться, по крайней мере, в этом смысле!.. Он нормальный мужик и базарить с женщиной просто не может. Да еще на повышенных тонах! Да еще без пауз и запятых! Он сразу теряется, краснеет, начинает бормотать извинения – ну его мама с папой так воспитали. Ошиблись, видимо. Нужно было как-то по-другому воспитывать.

– …И что мне тут с вами до самого закрытия сидеть вы что не видите здесь написано е эф джи восемьдесят восемь дробь сорок а должно быть написано пи ку це сто двадцать один тире восемнадцать есть у вас глаза или нет…

– Скажи ей, чтобы она замолчала, – сквозь зубы процедила я.

– Я прошу прощения, – сказал он мимо трубки, – мне плохо слышно. Одну минуточку, пожалуйста.

Она не замолчала, конечно, но он, видимо, куда-то выскочил.

– И вот так уже полчаса, представляешь?!

– Какого лешего ты там стоишь и все это слушаешь?! Далась она тебе! Дойди до соседней кассы и купи другой билет!

– Да жалко же! – Он вдруг засмеялся. – Этот пропадет, а за него казенные деньги плачены!

– Ничего не жалко! – Из ноздрей у меня густо валил пар, а копытом я рыла землю. Красного тумана перед глазами еще не было, но вот-вот.

– Да и вообще я тебе не за этим позвонил!

– Уезжай оттуда немедленно – слышишь?! Это издевательство просто какое-то, а ты почему-то терпишь!

– У нее на столе лежит твоя книжка, представляешь?! А я всегда так горжусь, когда вижу у людей твои книжки, как будто это я сам их все написал.

Я хрюкнула и замолчала.

– А еще у нее очень смешная фамилия, тебе для романа пригодится – Поросевич. Елена Поросевич. Должно быть, нелегко ей живется с такой фамилией.

Это он так ее защищал. От меня.

– Пусть поменяет, – буркнула я.

Нелегко нам всем живется, да?..

И Елене Поросевич – фамилия не удалась, и все к ней лезут с глупостями вроде этих самых билетов, наивно полагая, что к билетному кассиру вполне можно приставать именно с вопросами про билеты. И ему – он жалеет казенные деньги и, как нормальный мужчина, думает, что в устройстве этого мира есть некая разумная логика, если нужно поменять билет, значит, его нужно поменять, и точка!..

Но и мне не легко – я не желаю прощать хамство, особенно в его адрес, и даже в обмен на мой собственный роман, лежащий на столе.

И вот до сих пор испытываю непреодолимое желание «подкараулить в темном переулке и треснуть кирпичом по голове!»

Наш ангел

Эти родственники присутствовали в нашей жизни всегда. Есть московские родственники, а есть курские. Из Курска родом мой прапрадедушка Алексей Михайлович, полный георгиевский кавалер и герой Плевны. Кто-то из родных когда-то давным-давно ездил на экскурсию в «братскую Болгарию» и в этой самой Плевне на памятнике русским воинам нашел его фамилию. Прабабушка Александра потом перебралась в Москву, и таким образом часть семьи оказалась здесь, а часть осталась там.

Когда я была маленькой, курские родственники наезжали довольно часто, жили у бабушки с дедушкой. Они приезжали с чемоданами, жесткими, коричневыми, с побитыми алюминиевыми уголками – у нас таких не водилось!..

У девчонок – там тоже две сестры – были косы, а в косах роскошные банты, повязанные на редкость искусно и красиво. Родственники привозили конфеты «Птичье молоко» в узких, длинных коробочках с картинками на крышках – у нас не было таких коробочек и таких картинок!..

Мы с Инкой, сестрой, с самого детства к конфетам были равнодушны. Мы любили леденцы «Взлетные», свежий черный хлеб, воблу и газированную воду «Буратино». И еще яблоки! Вот курские яблоки были особенные – красные, крепкие, щекастые, как купчихи на картинах Кустодиева. Про Кустодиева я была отлично осведомлена, потому что мама каждую субботу таскала нас в Третьяковку, даже не на экскурсию, а «на лекцию». Дорога была неблизкой, «лекция» умной и продолжительной, очень хотелось спать и есть, до русской иконописи, Феофана Грека, равно как и до Кустодиева, мне не было никакого дела, но приходилось терпеть.

Впрочем, летом, когда приезжали родственники из Курска и привозили яблоки в больших деревянных ящиках, пахнувшие свежей стружкой, никаких «лекций» не было, зато мы ездили на речку!.. Гостей полагалось развлекать, и бабушка, которая никаких развлечений особенно не приветствовала, – работа всегда найдется, вот и нужно работать, чтобы «заслужить» отдых, – собирала сумочки, мы долго ехали на автобусе, потом тащились вдоль шоссе, потом по краю

песчаных карьеров выходили к реке, и можно было купаться сколько угодно! У нас же гостят родственники, значит, мы не просто так купаемся, а «со смыслом»!

Когда гости, все немного не так, как в обычной жизни, – вот купание, к примеру, и свежие лепешки на завтрак, которые бабушка не ленилась печь.

На ночь приходилось ставить раскладушки или даже на полу стелить матрасы, и тогда в комнатах было не пройти, красота!.. Гостей укладывали непременно на кровати, они отказывались и протестовали, а хозяева устраивались на полу. И в этом тоже было приключение! Снизу привычная комната выглядела совсем иначе, и я долго вертела головой, рассматривала плоскую люстру с нарисованными вишнями, книжные полки и внутренности большого полированного стола, который раздвигали только на праздники, когда собиралось много народу. В конце концов бабушка шикала на меня, чтоб не вертелась, но я все равно вертелась.

Потом подросшие девчонки стали приезжать из Курска вдвоем, без родителей. Это называлось «за покупками». Утром они вставали, исчезали на целый день, чтобы вечером вернуться совершенно обессиленными, но «с добычей». «Добывали» трикотажные кофты, колготки и – предел мечтаний! – сапоги! Сапоги удавалось добыть не в каждый приезд, зато рассказы про очереди с первого на третий этаж ЦУМа или «Детского мира» были обстоятельные, с подробностями, как детектив.

Потом все совсем выросли, повыходили замуж, старики постарели и приезжать перестали. Много лет мы состояли в более или менее бессмысленной переписке – у нас все слава богу ничего, а как у вас?.. Как здоровье тети Раи и дяди Алексея? Уродились ли в этом году яблоки?..

Так продолжалось лет пятнадцать, до прошлого года, а затем вдруг началась какая-то суета, телеграммы, вопросы, можно ли у нас остановиться, и все такое, а потом мне позвонила Лариса, младшая из тех двух сестер.

Я помнила ее совсем плохо – золотистые локоны, банты, блузка с оборочками, что-то такое.

Ей нужно приехать совсем ненадолго. И вот она звонит по старой памяти – можно ли к нам?.. Если это неудобно, тогда, конечно же, в гостиницу…

– Конечно, приезжай! – сказала я, немного недоумевая, что именно мы все будем делать в одной квартире. Когда-то это казалось очень просто, а сейчас?..

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/tatyana-ustinova/svidan-e-s-bogom-u-ognya-razgovory-o-zhizni-lyubvi-i-samom-vazhnom

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити